

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ  
МЕТРО  
2033

СЕРГЕЙ АНТОНОВ  
ХАРАМ БУРУМ



FUTURE CORP.



Метро

Сергей Антонов

# **Метро 2033: Харам Бурум**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Антонов С. В.**

Метро 2033: Харам Бурум / С. В. Антонов — «Издательство АСТ», 2019 — (Метро)

ISBN 978-5-17-118460-5

«Метро 2033» – Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают Вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Как жили герои до войны Анатолия Томского с Красной Линией? За что Николай Носов получил кличку Вездеход и какая роль была отведена ему в проекте по созданию генетически модифицированных людей? Все ответы – в романе «Харам Бурум», приквеле бестселлера Сергея Антонова «Темные туннели»!

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118460-5

© Антонов С. В., 2019  
© Издательство АСТ, 2019

## Содержание

Что было раньше?	8
Пролог	13
Часть первая	17
Глава 1	17
Глава 2	23
Глава 3	30
Глава 4	37
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

# ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

## Сергей Антонов Метро 2033: Харам Бурум

*Вся холодна, тень не видна,  
Ты дождалась волчьего часа.  
Мы близки, а наши клыки  
Помнят тепло свежего мяса...*  
**М. С. Покровский, «Ногу свело»**

*Уверен, что он не будет там одинок: безумие рано или поздно  
составит ему хорошую компанию.*  
**Профессор М.А. Корбут**



Автор идеи – Дмитрий Глуховский

Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

© Д. А. Глуховский, 2017

© С. В. Антонов, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

## **Что было раньше?**

### **Объяснительная записка Вадима Чекунова**

Когда выходит успешный фильм и спустя какое-то время появляется его сиквел или приквел – практически всегда разгораются споры, насколько удачно это получилось. Не такие горячие, как «что лучше – книга или фильм?», но градус дискуссий бывает весьма высок. Как правило, мнение большинства склоняется к традиционному «не дотягивает до первой части». Фильмов, где продолжение было не хуже, а порой и лучше изначальной истории, можно по пальцам одной руки сосчитать. А если начну считать я, еще и свободные пальцы останутся – потому что мне известны только вторая и третья части «Назад в будущее» и близкий к шедевральному «Терминатор. Судный день». А из приквелов... ну разве что «Бэтмен. Начало». Наверное, есть еще неплохие и даже хорошие приквелы-сиквелы – ведь сколько людей, столько и мнений. А я такой уж человек, даже в саге «Звездные войны» признаю только те эпизоды, что были сняты первыми и которые увидел еще в детстве.

С книгами дела обстоят примерно так же. В отечественной литературе успешными приквелами мне представляются лишь две вещи. Это «Истовик-камень» Семеновой, в котором автор поведала о событиях, предшествующих тем, что были описаны в «Волкодаве». И роман одного из моих любимых современных авторов Владимира Сорокина под названием «Путь Бро», вышедший спустя пару лет после скандального (а что у Сорокина не скандальное?) «Льда».

Конечно, приквелов в литературе в нынешнее время – тьма тьмущая. Мне довелось читать разные, включая такие книги, как «Гамлет. Нулевое действие» и «Чтение карты на ощупь». Последнее произведение – вы будете смеяться – приквел аж к самому «Вишневому саду» Чехова. Но они были написаны, разумеется, вовсе не теми авторами, кто создал оригиналы. Поэтому мое отношение к ним неоднозначное.

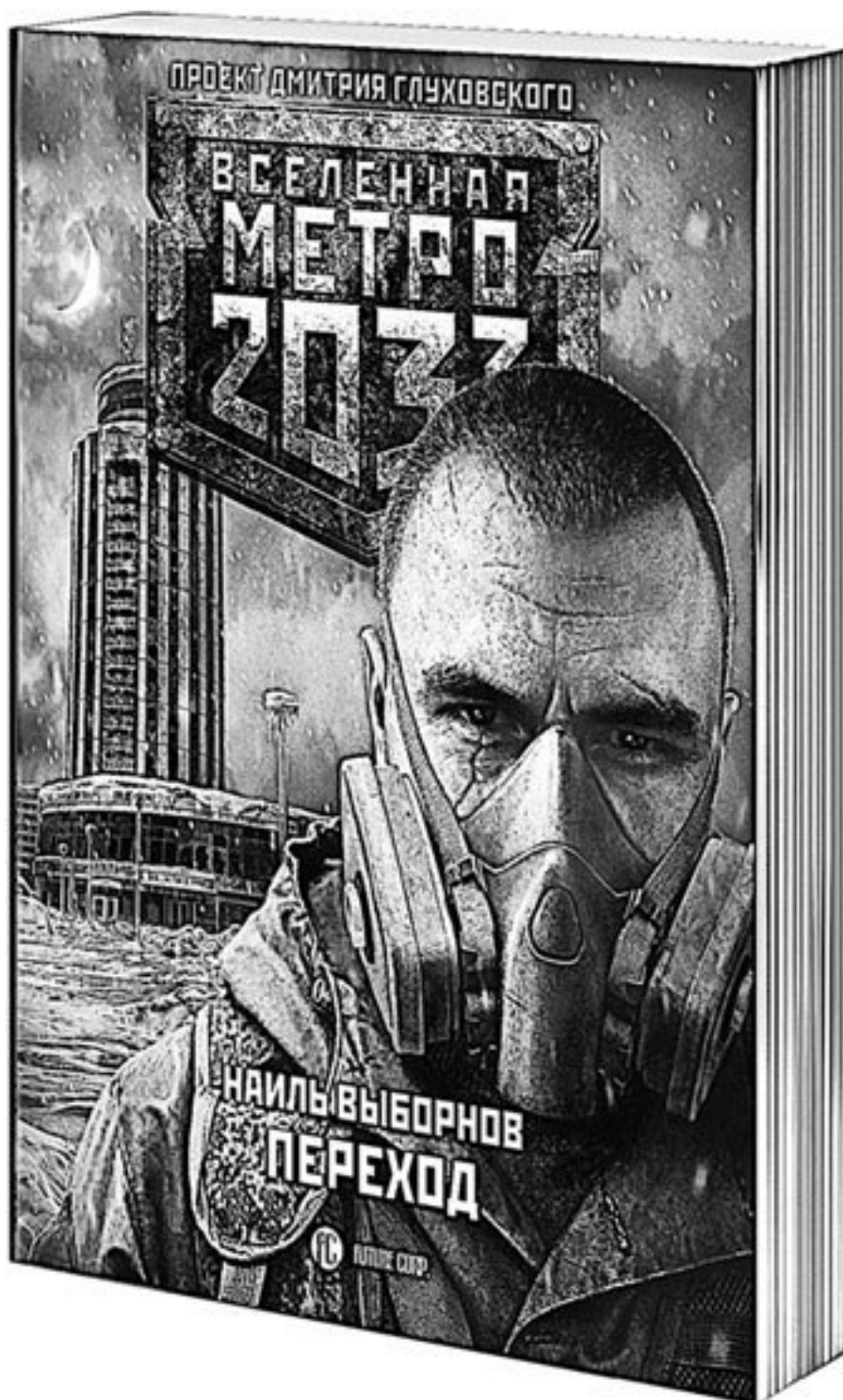
Упомянув лишь о двух успешных приквелах в российской литературе, я намеренно умолчал о третьем, который пополнил мой личный список. Потому что я уже прочитал превосходный «Харам Бурум» и от души наслаждался и замечательным стилем, и авторской иронией, которая то и дело переходит в сарказм (поклонники Сергея Антонова это знают). Испытал радость встречи со знакомыми героями и заглянул за кулисы их прошлого. И наконец, я уже узнал, при каких обстоятельствах неугомонного карлика наградили кличкой Вездеход.

А вам, друзья, это лишь предстоит.

И я по-доброму завидую вам.

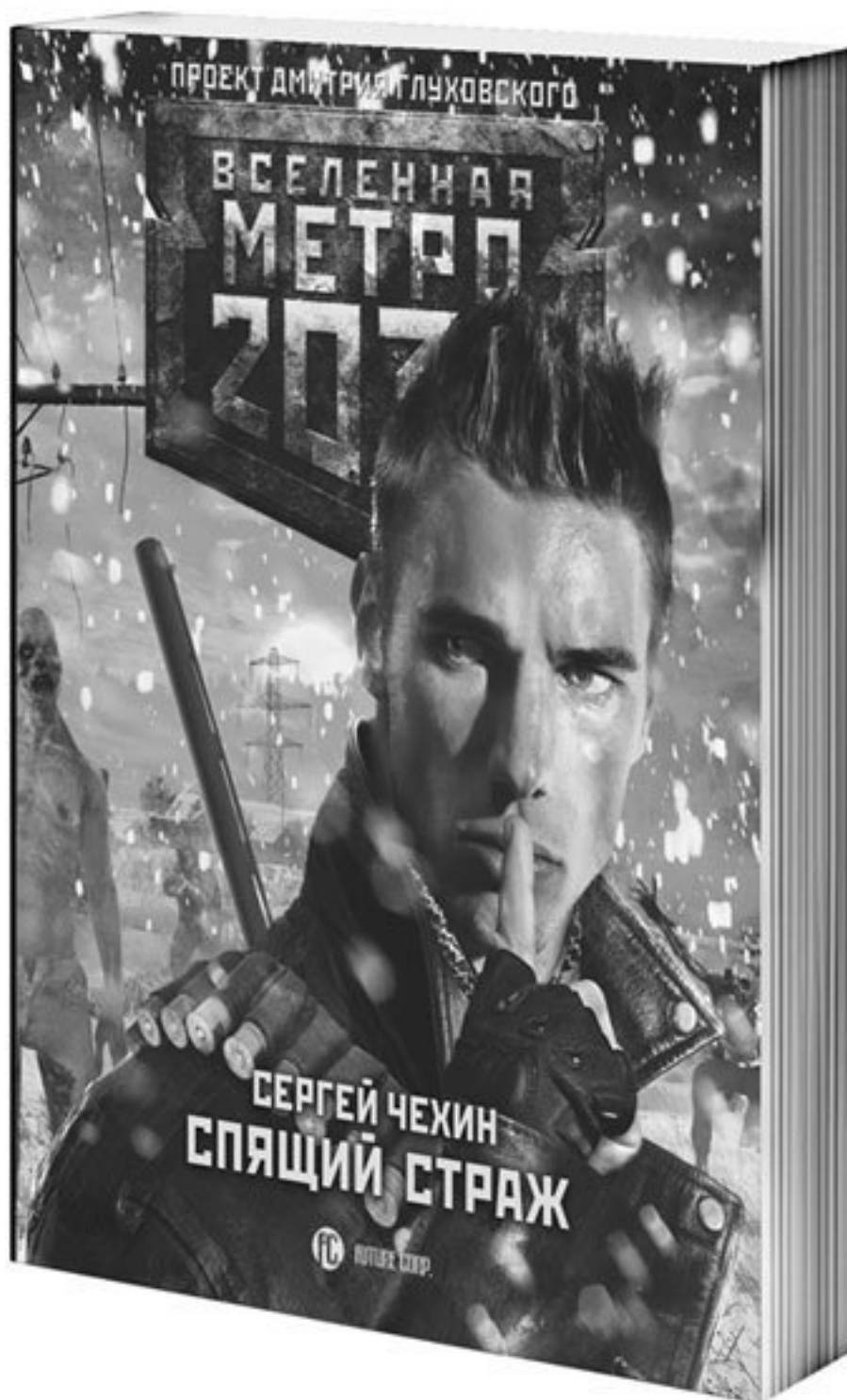
\* \* \*





Пока в Казани речи сладкоголосых джинов сплетаются в узоры, в Набережных Челнах свистят пули и льется кровь. Война здесь так и не закончилась, и будет идти, пока есть, что делить. Неважно что: еду, патроны, чистый воздух и жизненное пространство в немногочисленных убежищах. И даже если ты отказался от того, чтобы считать себя человеком, тебя найдут и заставят участвовать в своих играх.

То, что предназначено, в любом случае случится. Ведь от судьбы не убежать, не спрятаться в подземном бункере. Отсидеться не удастся. Остается только выбрать сторону.



Мы вновь возвращаемся в постъядерную Самару, описанную Сергеем Палием в романе «Безымянка». Рубеж открыт, но вдаль стал виден загадочный светящийся купол. Думала ли юная Арина, выросшая в подземке, что именно ей доведется отправиться туда в поисках ушедшего отца? Ведь это же – сущее самоубийство. И хотя сопровождает ее легендарный сталкер по прозвищу Еж, кажется, он вовсе не намерен оберегать ее от малейшей опасности. Похоже, этому циничному типу просто интересно посмотреть, как далеко способна зайти девушка в своей решимости.



Когда-то Влад жил на Фрунзенской и не желал никуда уходить. Но чтобы выжить, ему пришлось сбежать во тьму. Блуждания по метро едва не оборвались расстрелом на территории Ганзы, а затем судьба закинула его на заброшенную Нагатинскую.

На перегоне между Нагатинской и Тульской, всегда считавшемся безопасным, начали пропадать люди. Пришлый сталкер втягивает Влада в охоту за кровожадным мутантом. Только никто не знает, чем все обернется и кто на кого будет охотиться на самом деле...



Какая она, жизнь людей в 2033 году? В разных городах и странах люди ведут непрерывающуюся войну на выживание. Они ищут способ существовать в мире, который взбунтовался против них. Они ищут возможность остаться людьми в суровых страшных условиях, где слова «любовь», «культура», «сочувствие» почти потеряли смысл. Что чувствуют эти люди? Пламя их жизни угасает, становится холодным и блеклым. Все, что им остается, – бороться, верить и ждать.

## Пролог

– Михаил Андреевич! Дорогой Михаил Андреевич!

Прежде чем посмотреть на ассистента Тельмана Ахунова, вломившегося в кабинет без стука, профессор Корбут вытащил из кармана халата платок и протер стекла очков. Здесь, на «Дзержинской», в самой охраняемой точке Красной Линии, его называли как угодно – товарищем, учителем, гением коммунистической генетики, вивисектором и доктором Смерть, но только не дорогим.

Должно было случиться что-то экстраординарное, чтобы этот хач применил к нему столь неожиданный эпитет.

Привычным жестом аристократа Михаил Андреевич откинул со лба седую прядь волос, водрузил очки на нос и, наконец, удостоил Тельмана пристальным взглядом.

Сутулый, невысокий кавказец лет шестидесяти сразу почувствовал недовольство начальника. Лоб с залысинами покрылся испариной, руки непроизвольно начали комкать газету «Вестник Компартии Метро», седые усы задержались в такт дрожащим губам.

– В чем дело, товарищ Ахунов? На каком основании вы врываетесь в мой кабинет?

– Дорогой... Ох, извините. Профессор. Товарищ Корбут... Раз... Разрешите...

Корбут захохотал. Мысленно. Внешне же остался строгим и спокойным, наслаждаясь замешательством Тельманчика. В очередной раз он убеждался в том, что не утратил умения производить на подчиненных впечатление, равное по мощности ушату ледяной воды.

Пусть ненавидят, лишь бы боялись. Эта блистательная формула императора Калигулы давно стала для Михаила Андреевича жизненным кредо.

Он старался вселять страх в мелких сошек, даже когда сам был на подхвате у светил науки, которые считали Корбута пустым местом. Шестеркой, едва способной на доставку стакана воды из кулера. Они жестоко ошибались.

Ненависть ко всем без исключения людям и другие весьма специфические способности помогли Михаилу Андреевичу оказаться в седле после того, как все рухнуло и история человечества начала писаться с чистого листа.

Он сделал ставку на товарища Москвина. Не самого приятного человека, не самого дальновидного политика и не самого авторитетного лидера зарождающихся группировок метро.

Просто в привычках главы компартии метро, его отношении к подчиненным Михаил Андреевич узнал самого себя. Москвин, похоже, испытал те же чувства. И хотя в те бурные времена коммунистам было не до генетических экспериментов, генсек для начала назначил Корбута личным врачом, а впоследствии основал для него целую секретную лабораторию на Лубянке. Теперь бывший младший сотрудник имел возможность держать в страхе целый штат ученых. Иногда, чтобы не быть голословным, делал «чистки», после которых самые резвые и болтливые представители научной богемы исчезали в неизвестном направлении. Без суда и следствия. Так, как это было принято у красных.

– Ну-ну, Тельман. Хватит лепетать. На первый раз прощаю. – Корбут поднял руку, указывая Ахунову на металлический стул. – Садись, а то, чего доброго, упадешь.

Ахунов вытер тыльной стороной ладони пот со лба и рухнул на стул.

– Докладываю, профессор. Вернулись люди, отправленные на развалины «Щелково-Агрохим». Не все, но вернулись.

– Меня не интересует количество вернувшихся, – отрезал Корбут. – Все они присягали на верность коммунистической партии и клялись отдать жизнь за товарища Москвина. Химикат доставлен?

– Так точно, товарищ Корбут! – Ассистент вскочил и даже попытался щелкнуть каблучками. – Два контейнера!



– Ага. Вот с этого и следовало начинать. – Михаил Андреевич не удержался и потер ладони. – Мы и начнем, мы и начнем... Готовим лабораторию, Тельман. Сегодня ночью, когда никто не будет мешать...

– Простите, профессор, но... Люди.

– Что люди?

– Вам надо это видеть. Они больны. Выполняя задание, серьезно пострадали. А ведь мы просили укомплектовать группу лучшими из лучших. Вернулись всего семеро из двадцати. Такие потери, особенно в нынешней политической обстановке... Боюсь, руководство...

– Так-так. Руководство беру на себя! – Корбут встал и подошел к массивному сейфу в углу кабинета. – Где они?

– В карантинном блоке. Я боялся, что парни могли принести с поверхности какую-нибудь заразу, и отдал распоряжение сразу их изолировать.

– Ну и молодец!

Михаил Андреевич отпер сейф, погрузил руку в его недра, отыскал там пластиковую бутылку, пошевелил губами, читая надпись на бумажной этикетке, встряхнул бутылку и сунул в карман халата.

– Изоляция – это правильно. Мы их вылечим. А первый осмотр я проведу лично. В лаборатории. Кстати, Тельманчик, их кто-нибудь видел?

– Только я, ну и часовые на блокпосту.

– И это правильно. Случай-то рядовой. Паника и всякие там домыслы-разговорчики нам ни к чему. Встретимся у лаборатории. Да. И прихвати с собой этих часовых. Пусть их сменяют. Мое личное распоряжение. Ну не самим же таскать контейнеры и садиться за рычаги! Мы – ученые. Не царское это дело. Правильно я мыслю, товарищ Ахунов?

– Так точно, товарищ Корбут. Едем... К Обжоре?

– Михаил Андреевич. Просто Михаил Андреевич. Мы ведь коллеги. Я бы даже сказал – друзья. Тебе никто не говорил, что ты похож на Окуджаву?

– Гм... Никто.

– Так я говорю. Тебе бы гитару в руки. Ладно. Шутки в сторону. Как говорил папаша Кальтенбруннер: очень много дел и очень мало людей. М-да. Людей мало. Да, Тельман, к Обжоре. Не терплю мусора.

Корбут и Ахунов вышли на платформу и двинулись каждый в свою сторону. Если Тельман сразу затерялся среди людей в форме цвета хаки, то Михаил Андреевич выглядел как ледокол, уверенно разрубающий айсберги.

Часовые в фуражках с синими верха́ми и малиновыми околышами отдавали честь седому человеку в белом халате. Представители высшего офицерского состава, которых можно было узнать по дороговому, генеральскому сукну форменных кителей, останавливались, чтобы подобо́строчно кивнуть доктору Смерть.

Корбут прошел через усиленный блокпост, на котором за двойным рядом мешков с песком, у крупнокалиберного пулемета, установленного на массивной платформе-треноге, следили за обстановкой на станции пятеро рослых молодцев.

Михаил Андреевич мельком взглянул на новую кумачовую растяжку, нависавшую над путями. Прочел очередное бессмертное высказывание генсека Москвина, хмыкнул и направился к стальной двери.

Она запиралась лишь на наружный засов и вела в личную комнату профессора. Большой нужды в замках здесь не было. Во-первых, хватало охраны. Во-вторых, Корбут не держал в своем жилище ничего, что относилось бы к его профессиональной деятельности.

Обстановка здесь была вполне спартанской: простой деревянный стол, узкая кровать, застеленная синим байковым одеялом, выдавший виды платяной шкаф.

Не вписывалось в общую картину только глубокое кресло с почти новой кожаной обивкой и подлокотниками из карельской березы. Личный подарок генерального секретаря, доставленный бесстрашными сталкерами из развалин какого-то музея.

Поначалу кресло категорически не понравилось Михаилу Андреевичу. Потом он к нему привык, а затем и полюбил. Пусть чересчур помпезно, зато как удобно!

Профессор сел в кресло, чиркнул спичкой и поджег фитиль, плавающий в глиняной, наполненный машинным маслом плошке.

Экономика должна быть экономной. Товарищ Москвин приписывал это высказывание себе. Бессовестно плагиатил, но суть от этого не менялась.

Корбут нюхал вонючие продукты горения, показывая всем остальным, что даже светила медицины готовы терпеть лишения во имя торжества коммунистических идей. С учетом того, что большую часть времени он проводил в рабочем кабинете и светлой, отлично проветриваемой лаборатории, подавать пример аскетизма было проще простого.

Профессор придвинул к себе портрет сына Чеслава, дослужившегося до коменданта специального концлагеря для инакомыслящих отбросов общества.

– Мы на волоске, сынок. Одному тебе я могу в этом признаться. Мы на волоске.

Показная бравада Михаила Андреевича себя изживала. Часики тикали. Терпение генсека иссякало.

Корбут никому не говорил о том, что задание коммунистической партии по созданию генетически модифицированных суперсолдат на грани срыва. Не признавался, что опыты его зашли в тупик, а человеческий материал, щедро поставляемый спецслужбами, израсходован впустую.

Последней его надеждой был химикат, который производился до Катаклизма на заводе в Щелково. И вот требуемый ингредиент доставлен. Но какой ценой! Семь из двадцати. Москвин никогда не простит ему таких потерь. Потребует результат. Если не получит его – свернет опыты, закроет лабораторию и лично намажет своему любимцу профессору лоб зеленкой. Повторит ошибку Гитлера, не уделившего должного внимания созданию атомной бомбы.

Надо снять вопрос про химикат. Срочно. Любой ценой. Ради дела. Пусть все считают, что группа, посланная на «Щелково-Агрохим», просто не вернулась. Тельман ничего не скажет. Будут молчать и часовые, принявшие отряд с поверхности. Появится какое-то время для спокойной продуктивной работы. Черт бы побрал всех недоумков во главе с генеральным дураком Москвиным! Неужели их куриные мозги не способны понять, что генетика не терпит спешки, а задача по штамповке людей новой формации не решается за несколько дней!

Он, Михаил Корбут, бросил вызов не кому-нибудь, а Богу! Тот смог создать исключительно оранжерейных уродов, рассчитанных на прозябание в райских кущах. А он...

Профессор, грязно выругавшись, встал и распахнул платяной шкаф. Аккуратно повесил белый халат на плечики и надел простой комбинезон неброского серого цвета, переложив в его карман взятую в кабинете бутылку. Достал с верхней полки шкафа наплечную кобуру, вытащил из нее пистолет Макарова.

Тот, кто считал Корбута кабинетной крысой, поразился бы сноровке, с которой профессор управлялся с оружием.

Поддев указательным пальцем выступ магазина, Михаил Андреевич убедился, что обойма полна, вернул ее на место и поставил «макарова» на предохранитель.

Таковы уж были реалии нового времени – светило красной генетики вовсе не относилось к числу кабинетных крыс, частенько упражняясь в стрельбе по настоящим крысам в заброшенных туннелях.

Убедившись в том, что все в полном порядке, набросил поверх комбинезона брезентовый дождевик и накинул капюшон.

Когда Корбут вновь появился на платформе и миновал блокпост, то уже не привлекал всеобщего внимания. Доктор Смерть ассоциировался у обитателей Красной Линии прежде всего с белым халатом, а пожилой мужчина в потертом дождевике был совершенно безликим – просто еще один горемыка, попавший на крючок большевистской пропаганды и понимающий, что с него уже не соскочить.

## **Часть первая**

### **Человеческий материал**

#### **Глава 1**

#### **Соблюдайте тишину**

Дрожащий свет ламп не просто заставлял блестеть расставленные на верстаке колбы и пробирки, он придавал им загадочный и даже волшебный вид, да и сам хозяин этого внушительного химического набора выглядел кудесником. Вечно в затертом до дыр рыжем резиновом фартуке, рослый и смуглокожий, с черными и по-цыгански задорными глазами, он совсем не следил за прической, отчего спутанные космы седых волос взвивались при каждом движении, то целиком скрывая, то полностью обнажая изборожденное морщинами лицо. Было оно самым обычным. А вот руки... Если бы в мире существовал эталон точности и быстроты, то они бы служили этим эталоном. Эти руки, сплошь покрытые химическими ожогами, были созданы для того, чтобы смешивать, разливать, поджигать и тушить.

На «Автозаводской» старика называли Феррумом, а он охотно отзывался на эту кличку, возможно, даже забыв свое настоящее имя. Ходили слухи о том, что в прошлом Феррум заведовал кафедрой в крупном институте, знал химию как свои пять пальцев и при желании мог бы соорудить бомбу из крысиного хвоста.

Все, что говорил Феррум, звучало как заклинание, а все, что творил, выглядело священнодействием. Бывали, правда, и редкие случаи, когда главный химик Города Мастеров переходил на обычный человеческий язык.

– Компоненты? Мыло, бумага и полиэтилен. Инструменты? Тазик воды и крупная терка. Аккуратно измельчаем мыло. Растворяем в воде, пропитываем в этом растворе газеты. После высушивания плотненько складываем и оборачиваем целлофаном. Чем меньше воздуха внутри, тем лучше. В центр вставляем... Где же он у меня? Ага. Деревянный стержень. Дымовуха готова и...

Вездеход открыл глаза и тряхнул головой, чтобы отогнать воспоминания о Ферруме, который все-таки доигрался, когда решил перекинуться с химии на ультразвук. Стал брать пример разносторонности с Леонардо да Винчи. Убедил себя и пытался уверить других в том, что существуют некие мутанты с голосовыми связками, генерирующими мощные акустические волны. Твердил, что с их помощью можно не только расчищать завалы, но и горы свернуть. Идея фикс доконала Феррума. Он не нашел своих мутантов, сошел с ума и умер в смиренной рубашке.

Не до химии теперь. Шлепки босых ног внизу. Сопение. Они вообще когда-нибудь угомонятся? Времени у него осталось немного и если библиотекари не спят совсем или дежурят по очереди, то... Дела его плохи. У него не будет нескольких минут, чтобы найти нужную книгу. Придется убираться из Великой Библиотеки несолоно хлебавши. Такая, мать ее, химия.

Ну уж нет! Он потратил слишком много времени и сил, чтобы добраться сюда, и скорее содохнет, чем уйдет с пустыми руками.

Вездеход подполз к краю стеллажа, на котором лежал уже три часа, и взглянул вниз. Сгорбленное существо с треугольными ушами и руками, почти достающими до пола, неспешно, по-хозяйски двигалось между рядами книг.

Когда библиотекарь оглянулся и сверкнул зелеными глазищами, Вездеходу показалось, что его обнаружили. Мутант смотрел в его сторону не больше пары секунд, но для Носова они стали целой вечностью. Он до крови прикусил губу. Не дергаться. Не паниковать. Он тоже

мутант. И пусть чудище внизу раза в три больше, хитрости у него, карлика, хватит и на десяток библиотекарей.

Выродок наконец-то скрылся из вида. Вездеход сел, спустив ноги вниз. Забросил на спину свой рюкзак, повесил на плечо «калаш» с отпиленным прикладом и быстро, ставя ноги на края полок, спустился вниз.

Ориентироваться в темноте книгохранилища было непросто, и если бы не подготовка, которой Носов посвятил несколько дней, ему пришлось бы худо.

Вездеход не зря уламывал неподкупных браминов Полиса. Потратил уйму красноречия и патронов для того, чтобы получить и изучить точный план Библиотеки с поправками, внесенными побывавшими в этом аду сталкерами.

Темнота – не помеха. В данном случае она друг. Библиотечные черти, конечно же, прекрасно видят и в темноте, но... Так спокойнее.

Носов двинулся вдоль книжных полок, стараясь как можно меньше высовываться в проход.

Где-то вдалеке послышалось верещание. Вездеход остановился, дождался, пока Великая Библиотека погрузится в тишину, и продолжил свой путь.

Временами паркет предательски скрипел под ногами, изредка потрескивали рассыхавшиеся полки, но звуки эти были мирными, их издавала сам Великая Библиотека.

Теперь поворот. Николай выглянул из-за стеллажа. Никого. Еще один поворот, еще пятьдесят метров, и он будет на месте. О черт!

Носов, увлеченно глядя перед собой, напрочь забыл о том, что делается под ногами, и споткнулся о раскрытый фолиант. Успел выставить перед собой руки, но автомат все-таки упал на пол. Бамц!

Звук этот прозвучал в мертвой тишине Библиотеки громче выстрела. Вездеход вскочил, поднял «калаш» и поволил стволом из стороны в сторону.

Не к месту, ох не к месту начать стрельбу сейчас, впопыхах. Ведь его цель не завалить библиотекарей, не сделать из их клыков ожерелье.

К счастью, все обошлось. Возможно, на исходе ночи хозяева книгохранилища действительно укладываются спать. А может, собираются в одном из залов на свое совещание?

Опытные сталкеры рассказывали, что библиотекари – разумные и даже умеющие говорить существа. Вот и обсуждают, как лучше отлавливать наглых людишек, смеющих вторгаться на запретную территорию.

Вездеход мысленно представил себе стоящего за кафедрой библиотекаря и улыбнулся. Что за хрень лезет в голову?

Стоп. Вот оно. Должно быть здесь. Вездеход включил прикрученный к стволу автомата фонарик. Бледный луч заскользил по пыльным корешкам книг.

«Култ Черного Шивы», «Сообщества Зла, или Дьявол вчера и сегодня»...

Еще какая-то муть про Люцифера, чертей, ведьм и прочую нечисть. Не то. Где же этот Антон, чтоб ему небо с овчинку показалось, Шандор...

Есть! Нужная книга оказалась на самой нижней полке. Антон Шандор Ла-Вей<sup>1</sup>. «Сатанинская библия». Черная обложка с пентаграммой в центре. То, что доктор прописал!

Вездеход погасил фонарик. Меньше чем через минуту книга Ла-Вея заняла свое место в рюкзаке карлика.

По плану он должен был добраться до вестибюля, спустившись по технической лестнице. Проще простого, но... Сделав первые шаги в нужном направлении, карлик замер. Прямо перед ним, разведя в стороны узловатые, непомерно длинные руки, стояло покрытое серебристой

---

<sup>1</sup> Антон Шандор Ла-Вей – основатель и верховный жрец организации «Церкви Сатаны», автор «Сатанинской библии», известный как создатель авторского варианта сатанизма, один из «видных идеологов оккультизма и сатанизма».



шерстью обезьяноподобное существо. Библиотекарь внимательно смотрел на маленького человечка.

Носов уже собирался срезать монстра автоматной очередью, но услышал за спиной верещание и резко обернулся. Второй библиотекарь не думал тратить время на изучение непрошеного гостя. Переваливаясь с боку на бок, он мчался между стеллажами, выставив перед собой когтистые руки.

Карлик действовал интуитивно. Подпрыгнул. Вцепился в край полки и полез наверх. Теперь не осторожничал. На подбежавшего библиотекаря свалилось несколько фолиантов – тот отбил книги, которые от мощных ударов разлетелись в разные концы прохода, и последовал за добычей.

Вездеход ждал его. И как только шерстяная голова урода появилась над краем стеллажа, приставил к низкому лбу библиотекаря ствол «калаша». Тук! Библиотекарь с грохотом свалился и распластался среди книг. Его дружок яростно заверещал – под этот аккомпанемент карлик побежал по верху стеллажа.

Человек предполагает, а библиотекари располагают. Все стройные планы Вездехода рухнули. Теперь он действовал без всякой системы, положившись лишь на интуицию и удачу.

Стеллаж скоро закончился. Оказавшись на его краю, карлик смерил расстояние до следующего и сообразил, что допрыгнуть до него не получится.

Снова спуск по книжным полкам. Оказавшись внизу, карлик бросился к ближайшей, повисшей на одной петле двери и юркнул в щель между ней и косяком. Сзади послышался треск и рычание – преследовавший Вездехода библиотекарь застрял. Выпучив зеленые зыркала, пытался протиснуться в щель.

– Съел, сука?

Карлик обернулся и, не целясь, выстрелил. Промых. Пуля выбила щепку из двери, а монстр исчез.

Вездеход, оправдывая свое прозвище, побежал по коридору, лавируя между грудями разломанной мебели. По обеим сторонам двери, а ему нужно окно. Не важно где, не важно какое. Вся громада Великой Библиотеки опутана лианами, по ним можно спуститься вниз.

Носов толкнул ближайшую дверь. Заперта или заклинена. Еще три двери и тот же результат. Из глубины коридора слышался грохот, хруст дерева и верещание сразу нескольких чудищ.

Дверь в конце коридора тоже была заперта, однако внизу в ней зиял ощерившийся острыми щепками пролом. Вездеход упал на колени, толкая автомат перед собой, попытался пролезть в дыру. Мешал рюкзак. Несколько драгоценных секунд ушло на то, чтобы снять его, и вот снаряжение оказалось по ту сторону двери. Сам карлик чуть припозднился и едва не расстался со своим детским ботинком, а может, и с ногой. Он почувствовал, как его схватили за лодыжку, и чудом успел ее вырвать.

Комплекция Вездехода вновь его спасла. Библиотекари замешкались у двери.

Карлик поднял рюкзак. Под ним оказалась треснувшая пластиковая табличка «Соблюдайте тишину». Библиотекари не пытались пролезть в пролом. Дверь содрогалась от ударов и вот-вот должна была рухнуть.

– Видит Бог, я соблюдал. До последнего. – Вездеход вытащил из кармана «эргешку», выдернул кольцо и швырнул гранату в пролом. – А правила распространяются на всех...

Тук-тук-тук. Звук катящейся гранаты растворился в общем шуме. Из-за молотоподобного биения пульса в ушах Николай даже не расслышал взрыва. Он бежал по коридору, когда получил мощный толчок в спину. Взрывная волна заставила Вездехода перекувырнуться в воздухе. Он приземлился на скрученный, уже начавший распадаться на нити ковер и какое-то время лежал, глядя на дверь, которую пытались вынести преследователи.

Она выстояла, если не считать того, что от массивной доски остались одни лишь деревянные обломки по периметру. Наполовину высунувшись в коридор, вбивая в пол острые когти, к

карлику полз библиотекарь. Единственный глаз его яростно сверкал. Второго не было. Осколок снес монстру половину головы. Движения его становились все медленнее. Уродливое тело гориллы была предсмертная дрожь.

– Да когда ж ты сдохнешь? – Карлик встал, поднял автомат. – Добить тебя, что ли?

Вездеход решил позволить библиотекарю умереть самостоятельно, но тот вдруг просипел:

– Сдохне-е-е-шь... Дохнешь...

Бах! Выстрел погасил адское зеленое пламя в глазу чудища. Библиотекарь уронил изуродованную голову на пол и затих. На паркетном полу расплылось темное пятно крови.

Времени у Носова почти не оставалось, но он не удержался и включил фонарик. Очень хотелось узнать, какого цвета кровь у хозяев Великой Библиотеки. Она оказалось красной...

Люди, почти люди. Двадцать лет мутаций изменили внешний облик библиотекарей. Вытеснили из их мозга все человеческое, оставив взамен ненависть и ненасытность, и только кровь не изменила своего цвета, придаваемого ей железом. Феррумом. Другом и наставником, сдвинувшемся на ультразвук.

И с чего бы ему в голову лезут эти воспоминания? Хватит. Он еще не выбрался из Библиотеки, и если будет отвлекаться, то останется здесь навсегда.

Вездеход толкнул следующую дверь и оказался на балюстраде, опоясывающей главный читальный зал. Окон здесь хватало, но добраться до них было достаточно сложно. Под ногой что-то хрустнуло. Фрагмент человеческого скелета. Торс. Без ног и головы. Даже без остатков одежды. Кому-то не повезло. Визит в Библиотеку вывел парня на прямую и предельно короткую дорогу в загробный мир.

Размышляя над жутким концом этого человека, Носов смотрел на пустой пока еще зал. Да. Пока. Шум из смеси верещания, скрипа дверей и шлепанья босых ног все нарастал. За секунду до того, как несколько дверей одновременно распахнулись, впуская библиотекарей, Носов успел спрятаться за спиной статуи мужика, безучастно читавшего свою книгу.

Карлик попытался слиться с чтецом, стать со скульптурой единым целым. Оценил обстановку. Не меньше пяти монстров внизу. Еще десяток – на самой балюстраде. На этот раз его обложили всерьез. Путь к ближайшему спасительному окну был отрезан библиотекарем, который, прыгая сразу через несколько ступеней, поднялся на ограду из читального зала.

Щелк. Вездеход перевел «калаш» на автоматический огонь. Проклятие. К первому библиотекарю присоединился второй.

Карлик посмотрел на извилистые, жирно поблескивавшие стволы лиан за окном. Ждать больше не имело смысла. Сейчас или никогда. Вездеход отпрыгнул в сторону от скульптуры.

– Ну, уроды, сейчас я вам!

Карлику удалось застать совещающуюся парочку врасплох. Пули вспороли бок ближайшему библиотекарю. Он крутанулся вокруг своей оси, от стопа-верещания заложило уши. Не убирая палец с курка, Вездеход рванул навстречу второму чудищу. За мгновение до того, как сблизиться, он наклонился и проскользнул под рукой пытавшегося схватить его библиотекаря. Пули выбили фонтан щепок у самых ног библиотекаря.

Под почти человеческий вздох разочарования карлик выпрыгнул в окно. Сначала врезался плечом в раму, затем лбом – в ствол лианы. Его развернуло лицом к стене здания. Послышался лязг упавшего вниз автомата. Носов ожидал полета, падения, удара, но ничего не произошло. Лямка чертова рюкзака зацепилась за какой-то сук. Безоружный карлик повис напротив окна, из которого уже высовывался библиотекарь.

Два мутанта, разделяемых каким-то метром, оценивающе посмотрели друг на друга, и каждый занялся своим делом. Вездеход сучил ногами и дергался всем телом в надежде освободить лямку рюкзака, библиотекарь тянул к нему свою уродливую руку.

Карлик отчетливо, до мельчайших деталей видел загнутые когти на поросших серебристой шерстью пальцах. Монстр не мог достать его. Опасался вывалиться из окна и утробно рычал, скаля мокрую от слюны пасть.

Развязка наступила уже после того, как надежда вырваться из западни окончательно оставила Вездехода. За спиной что-то хрустнуло. Николай полетел вниз. Несколько раз ударившись о колючие ветки, упал на покрытую слоем мха опоясывающую здание бетонную подушку. Мох смягчил удар, но самочувствие карлика оставляло желать лучшего.

Встав на четвереньки, Носов помотал головой. Не тратя время на то, чтобы встать, двинулся прочь от стены. Сверху визжал библиотekarь. Слабым местом мутанта оказалась прочная привязанность к зданию. Библиотекари безраздельно властвовали на своей территории, но мир за пределами каменной громады был для них закрыт. Мой дом – моя крепость...

Встать Носову так и не удалось. Наоборот, среди колючих кустов пришлось ползти попластунски.

Вездеход позволил себе короткий отдых после того, как добрался до каких-то ступеней. Верещание сверху сделалось прерывистым и, наконец, стихло вовсе.

Карлик встал. Осторожно раздвигая кусты, спустился по лестнице и оказался на относительно открытом пространстве.

– Твою ж мать...

Ему не хватило времени. Добраться до «Боровицкой» уже не успеет. Мертвый город плавал в сером мареве рассвета. Наступило самое опасное время суток – ночные охотники еще не разбрелись по своим убежищам, а изголодавшиеся за ночь мутанты уже выходили на охоту.

Вездеход снял рюкзак, вытащил противогаз. Перед тем как натянуть его, полюбовался полетом птеродактиля, который, лениво взмахивая крыльями, парил над черными остовами домов и скрылся из вида за зданием Великой Библиотеки. Возможно, сел в гнездо, свитое на крыше.

Откуда-то донесся визг, а затем вой, очень похожий на плач. Собаки. Бесшерстные твари, охотящиеся стаями, уже вышли на прогулку. Где-то вдаль грохнул выстрел. Столица просыпалась, начиная новый день. Такой же, как все остальные – серый и лишенный даже намека на надежду, целиком и полностью отданный борьбе за выживание.

Итак, он прожил эту ночь. Предстояло прожить день, дальше загадывать не стоит.

Вездеход вновь нырнул в кусты и вскоре добрался до дороги. Цепкий взгляд опытного охотника быстро выбрал из вереницы развороченных автомобилей подходящий седан. Капота у него не было, зато имелся вместительный багажник, крышка его была приоткрыта. Чудно.

Носов быстро, не забывая осматриваться по сторонам, подбежал к машине и поднял крышку багажника, потревожив этим трех крыс, которые тут же выпрыгнули наружу.

Карлик забрался внутрь. Снял рюкзак и вытащил тонкий, крепкий шнурок, один конец которого привязал к головке болта на крышке, а второй закрепил за ржавую деталь днища. Узкая полоска света между корпусом и крышкой исчезла, Вездеход оказался в полной темноте.

Здесь он дожидается ночи, настоящей темноты. А пока – просто отдохнет. Карлик подложил рюкзак под голову, а «калаш» пристроил на груди.

Через какое-то время кровь очистилась от остатков адреналина и измученное тело начало болеть везде и сразу.

Носов боролся с болью при помощи мысли о том, что кому-то приходится гораздо хуже. Например, его брату-близнецу Грише.

Они родились на «Полежаевской». Мутантами стали уже в материнской утробе – женщина чудом выжила, перенесла лучевую болезнь. Оттого, что близнецы родились карликами, любить их меньше не стали. Ни родители, ни другие жители станции «Полежаевская» старались не замечать размеров Гриши и Коли. Жили они хорошо. Носов-старший возглавлял отряд

разведчиков и прилично зарабатывал, что позволяло матери целиком посвятить себя уходу за детьми.

Вездеход помнил время, когда станция, входившая в состав могущественной Конфедерации 1905 года, процветала. Однако проблемы у семьи Носовых начались еще до аварии на «Октябрьском Поле», до того, как разведчики начали пропадать целыми отрядами.

Он и Гриша спокойно играли на платформе в догонялки. Бегали между жилых каморок, не обращая внимания на беззлые окрики взрослых. Стукнуло им тогда уже по семнадцать, но из-за миниатюрной комплекции выглядели близнецы лет на пять. Так к ним и относились. Всячески опекали, работой не загружали и позволяли шалить, словно Гриша и Коля были малышами.

Неожиданно идиллия прервалась. Сначала все стихло, а потом истошно завопила мать – ее голос юные карлики узнали бы из тысячи других голосов. Коля и Гриша бросились в сторону, откуда доносился крик. С трудом пробрались между ног толпы взрослых обитателей станции и увидели жуткую сцену. Отец в насквозь промокшем от крови кителе сидел, опершись спиной на рыдающую жену. Его трясущаяся правая рука была поднята и указывала в сторону туннеля, безумные, налитые красным глаза вылезли из орбит.

– Там... Там! Это там... Там. Это...

И вот рука бессильно упала. Разведчик уронил голову на плечо жены, в горле его что-то заклокотало, на губах проступила розовая пена. Носов-старший дернулся и затих. Глаза его, уже неподвижные, продолжали смотреть в сторону темной дыры туннеля.

Гибель отца, прояснить обстоятельства которой так и не удалось, стала отправной точкой бед, свалившихся на семью.

Мать так и не оправилась после смерти мужа. Стала заговариваться, в редкие моменты просветления все же узнавая детей. В конце концов несчастных карликов признали сиротами и решили отправить на «Автозаводскую», чтобы мальчики обучились какой-нибудь полезной профессии.

Гриша и Коля ушли с родной станции вместе с караваном торговцев в 2030-м. Как выяснилось позже – с последним караваном. Вскоре в Городе Мастеров содрогнулись от страшного известия – жители «Полежаевской» исчезли все разом за одну ночь. Тьма, вползшая на станцию со стороны «Октябрьского Поля», поглотила их, не оставив никаких следов.

Быстро повзрослевшие от горя молодые карлики научились на «Автозаводской» многим полезным для выживания в метро навыкам. Стали выходить на поверхность вместе с другими сталкерами, которые искали в руинах остатки приборов и механизмов.

Самую большую пользу, как выяснилось, близнецы-мутанты приносили под землей, в метро, поскольку могли проскользнуть в любую щель.

Носовы были неразлучны. Всего один раз Гриша отправился с заданием руководства станции без Николая и... угодил в плен к красным.

Вездеходу удалось выяснить, что брат оказался в самом закрытом и тщательно охраняемом концентрационном лагере Красной Линии и стал «жемчужиной» коллекции уродов все-ильного садиста – коменданта Берилага.

Николай все время думал о том, как вызволить брата, и пришел к выводу, что лучшего варианта, чем просто выкуп, не найдет. Красных, несмотря на весь их фанатизм, можно купить. Но предложить надо много и сразу. Он сможет, он заработает столько патронов, что большевики ими подавятся. Он вернет последнего самого близкого ему человека.

Вездеход почувствовал, что на глазах выступили слезы, и непроизвольно всхлипнул. Снять противогаз и как следует выплакаться? Не выйдет. Запах крысиного помета моментально отобьет желание рыдать. Значит, не нить. Собрать всю волю кулак и взять за девиз надпись на библиотечной табличке. Соблюдать тишину.

## Глава 2

### Обжора

На «Лубянке» шуметь было не принято. Даже на митингах здесь царила железная дисциплина. Время речей и аплодисментов было строго регламентировано: хлопали, когда оратор делал специальную паузу. Ровно минуту. Потом речь продолжалась до следующей «аплодисментной» паузы.

Не было ничего удивительного в том, что после таких выступлений слушатели расходились молча, с кислыми рожами. Прелести и издержки пропаганды светлых идей.

В обычные же дни на станции разговаривали чуть ли не шепотом. Каждый боялся шпионов, наводнивших переименованную в «Дзержинскую» «Лубянку», доносов и просто обвинений в нарушении дисциплины.

Поэтому, удалившись от станции на сто метров, Корбут мог насладиться полной тишиной.

На путях, у стальной двери лаборатории Михаила Андреевича поджидали десять человек: верный Тельманчик и пара часовых с блокпоста сидели на дрезине, а семеро вернувшихся из похода сталкеров устроились прямо на рельсах.

Профессор не удостоил собравшихся даже взглядом. Отпер лабораторию, первым делом прошел в половину, отделенную от основного помещения деревянной перегородкой, и щелкнул выключателем. Яркий свет люминисцентных ламп осветил пять панцирных кроватей, на рамах которых были закреплены кожаные ремни с массивными стальными застёжками. Из здорового, сбитого из необструганных досок ящика в углу торчала покрытая темными трупными пятнами рука.

Четыре кровати были пусты. На пятой лежал обнаженный мужчина. Руки и ноги его были прочно затянуты ремнями, шею обхватывал никелированный обруч, не позволявший поднять голову.

Тело подопытного и слипшиеся волосы блестели от пота, а грудь вздымалась с такой частотой, словно мужчина не мог вдохнуть за раз требуемое количество воздуха и компенсировал недостачу, вдыхая его маленькими порциями. Щеки блестели лихорадочным румянцем, зрачки безостановочно двигались, а посиневшие губы кривились в жуткой пародии на улыбку.

Профессор коснулся лба пациента и тут же отдернул руку.

– Да ты весь горишь, парень...

Мужчина услышал Корбута.

– У-у-убью-ю-ю-ю! – взревел он. – Еще у-у-укол... Убью!

Из его ноздрей и уголков глаз вытекали тонкие ручейки крови. Мускулы напряглись, вздулись в тщетной попытке разорвать ремни.

– У-у-у-ко-о-ол!

– Гм... Раз ты настаиваешь...

Профессор взял с металлического столика у стены шприц и наполнил его колбу жидкостью из принесенной пластиковой бутылочки. Аккуратно выдавил струйку, избавляясь от остатков воздуха.

Когда он повернулся к подопытному, то присвистнул и покачал головой. Мужчину тошнило кровью. Багровые капли, заливая грудь, падали на кафельный пол, образуя лужу.

Корбут обошел ее, стараясь не испачкать свои начищенные до зеркального блеска ботинки. Вонзил иглу в черный от многочисленных уколов локтевой сгиб.

– Последний. Самый крепкий экземпляр. Ты подвел меня, хлопчик. Ах как подвел. Даже не представляешь.

– Убью-ю-ю-ю! У...



Мужчина выплюнул еще одну, последнюю, густую и почти черную, похожую на жирную пиявку, порцию крови, которая застыла у него на подбородке. Грудь поднялась и опустилась, стиснутые в кулаки пальцы разжались.

– Что-то пошло не так, – задумчиво произнес профессор. – Но что именно?

Он вышел за перегородку, приоткрыл дверь.

– Сюда, Тельман. Всех сюда. Будем лечить наших сталкеров.

Семеро мужчин вошли в лабораторию и робко столпились у входа. Выглядели они одинаково. Рослые, крепко сбитые. Одинаково бледные, они изо всех сил пытались сдержать дрожь, которая нещадно их трясла. Корбут обернулся.

– Кто старший?

– Я.

– Что случилось?

– «Щелково-Агрохим». Там пятно. Дозиметры зашкаливало. Большая часть отряда погибла в стычке с собаками. Но мы... – Старший зашелся в приступе кашля. – Мы... Кхе-кхе. Все сделали. Вот контейнеры. Мы выживем, профессор? Или...

– Эх, мне бы ваши проблемы, – горько усмехнулся Корбут. – Ну хватанули радиации. С кем не бывает? Одна инъекция моего фирменного антирада, и через пару часов будете глушить сивуху, рассказывая друзьям о своих приключениях. Подходим по одному. Закатываем правый рукав. Тельман, помощи.

Сталкеры послушно выполнили указание. Корбут и Ахунов сделали каждому по уколу. Уже через пять минут лекарство подействовало, сталкеров перестало трясти. Они начали тихо переговариваться.

Старший откашлялся, расстегнул китель на груди.

– Простите, профессор. Тут, у меня... Кто-то укусил и... Вот...

– Не мямли, солдат. Ближе подойди.

– Мне кажется, оно... Двигается.

Михаил Андреевич нацепил очки, осмотрел бугор на груди сталкера.

– Тельман, скальпель, пинцет!

Точным взмахом ланцета Корбут вскрыл нарыв, сунул внутрь раны кончик пинцета и выдернул черную, испачканную в гное и крови, довольно мерзкую на вид личинку. Усмехнулся.

– Двигается, говоришь? Еще бы она не двигалась. *Dermatobia hominis*. Личинка овода. Таких крупных мне еще видеть не доводилось. В питательную жидкость ее, Ахунов! Не зря все-таки я в студенческие годы увлекался энтомологией.

– Товарищ Корбут, разрешите идти? – бодрым голосом поинтересовался старший. – Спасибо вам.

– Всегда пожалуйста. Это – мой долг. Поможете загрузить на дрезину мусор и, раз уж выздоровели, сопроводите меня до Обжоры.

– Обжоры... Обжоры?

Старший попятился, уперся спиной в стену. Начавшее было розоветь лицо его вновь побледнело.

– Ну да. До Обжоры. – Профессор пожал плечами. – Что глаза пучишь, будто я тебя к черту на посиделки зову? Герой называется! За работу. Ахунов, командуй. Первым вытаскивайте того, что на кровати.

Сталкеры скрылись за перегородкой. Первая пара вынесла недавно умершего мужчину, через десять минут было уложено еще пять трупов. Часовые включили мощный фонарь на носу дрезины, налегли на рычаги и покатали вглубь туннеля. Следом за ними понуро побрели семеро сталкеров.

Корбут и Ахунов замыкали шествие.

– А знаешь, Тельман, я, кажется, понял, в чем наш прокол.

– Состав, дозировка? – оживился ассистент.

– И это тоже. Состав и дозировку мы изменим. Но и этого мало. Для активации на клеточном уровне нам потребуется...

– Электричество! Импульс!

– Гениально, друг мой! К слову сказать, генетическое вмешательство в живой организм...

Дальше ученые углубились в такие дебри специальных терминов, что сталкеры, так боявшиеся Обжоры, успокоились.

Врачи. Умники. Жертвуют одними жизнями, чтобы узнать, как спасти другие. Может, так и должно быть?

Через километр дрезина остановилась у входа в боковой туннель. Рельсов в нем не было.

– Оружие, у кого оно есть, складываем тут! – приказал Михаил Андреевич. – Дальше оно вам без надобности.

Трупы пришлось тащить волоком по грязному бетонному полу. Туннель закончился большим тупиковым помещением со сводчатым потолком, в центре которого возвышалась громадная печь.

Когда-то ею отапливалось здание наверху. Потом трубы заглушили и печь перестала использоваться по прямому назначению, но была в исправном состоянии.

Кто и когда прозвал ее Обжорой, неизвестно. Возможно, такое имя дали печи еще в ветхозаветные времена ГПУ-НКВД.

Так или иначе, но Обжора, труба которой выходила на задний двор Большого Дома, внушала обитателям «Лубянки» мистический ужас.

Имевшие с печью дело люди рассказывали, что черная дыра топки была ртом Обжоры и печь говорила. Голосами мертвецов. Каждый, чья жизнь закончилась в подвалах «Лубянки», норовил поведать живым о муках, испытанных в последние часы жизни. Рассказать свою историю, поделиться болью. Голоса сливались в один нестройный гул. Одни плакали, другие хохотали, третьи жаловались на роковую ошибку следствия...

Дело, конечно, было не в мертвецах, а в завывании ветра в трубе Обжоры. Но это рациональное объяснение работало лишь на приличном расстоянии от лубянской печи.

Рассуждать о ветрах было удобно в уютной камерке при теплом свете плавающего в машинном масле фитиля, когда в кружках плескалась сивуха, а ноздри щекотал терпкий дым махорки.

Другое дело – стоять напротив Обжоры, созерцать ее закопченные стены, красные кирпичи, там и тут выглядывающие из-под обсыпавшейся штукатурки, и ощущать притяжение черного зева топки, представлявшей собой квадрат со стороной в метр.

Уголь для печи когда-то засыпался сверху. Его не жалели и запасов скопившегося топлива красным, по всем прикидкам, могло хватить еще на несколько лет. Тем более что растапливали Обжору от случая к случаю и на короткое время. А вот с золой скоро могли возникнуть проблемы. Очисткой от нее помещения, похоже, не занимались несколько десятилетий. Старый слой серого пепла слежался, превратившись в твердую, ноздреватую массу. Новые слои золы сыпались поверх нее, и у печи образовались две бугристых стены высотой от полуметра до роста взрослого человека.

Выход наверх завалили направленным взрывом сразу после того, как красные обосновались на «Лубянке». На производительности Обжоры это не отразилось – печь в подземелье Большого Дома была и оставалась соучастницей преступлений коммунистов.

Корбут и Ахунов продолжали рассуждать о своих генетических опытах, пока сталкеры и часовые складывали трупы у печи.

На слое жирного серого пепла соорудили пирамидку деревянных обломков. Вспыхнул огонь. Языки пламени осветили закопченную внутренность печи – Обжора медленно, с гудением просыпалась.

Один сталкер выдернул из кучи угля совковую лопату. Шух! Шух! Через полчаса Обжора была готова принять жертвоприношение.

Михаил Андреевич вдруг прервал разговор с Тельманом.

– Поторопитесь, ребята! Мы ведь не собираемся тут поселиться. Веселее!

Жертв неудавшихся экспериментов Корбута одну за другой укладывали на мерцающий ковер угля. Помещение наполнилось запахом горелого мяса. За лопату взялся следующий сталкер. Швырнув в топку порцию угля, он вдруг покачнулся, выронил лопату, упал на колени и схватился руками за горло. Издав протяжный стон, завалился на бок и больше не двигался. Второй сталкер распластался на куче угля. Один из товарищей бросился ему на помощь, но, сделав всего два шага, тоже упал.

Всего через минуту все участники экспедиции на «Щелково-Агрохим» неподвижно лежали у печи. Тельман с ужасом посмотрел на профессора. Корбут покачал головой.

– М-да. Он сказал, что дозиметры зашкаливало. Лекарство не помогло. Парни были обречены с самого начала. Мне... Очень жаль. Эй, вы двое! Чего застыли? В топку их!

– Товарищ Корбут... Так... Так нельзя, – пролепетал часовой. – Это же... Наши люди. Коммунистическая партия...

– Вы собираетесь оспорить мой приказ? – поинтересовался профессор, доставая из кармана пистолет. – Не слышу ответа!

– Никак нет!

– Тогда работаем!

Чтобы втолкнуть в топку Обжоры еще семь трупов, часовым пришлось основательно потрудиться, утрамбовывая тела лопатой и стальным прутком, предназначенным для чистки Обжоры. Наконец сталкеры были присыпаны слоем угля, а Обжора ровно и сыто гудела. Часовые замерли по обеим сторонам топки в ожидании новых приказов.

– Уф! А здесь становится жарко. – Корбут вытащил платок и вытер вспотевший лоб. – Надо будет установить хоть какую-то вентиляцию. Как думаешь, Тельманчик?

– Надо... Будет.

– Да на тебе лица нет. Что-то случилось?

– Ничего, товарищ Корбут. Все в порядке. Все в полном порядке.

– Просто Михаил Андреевич. Мы ведь друзья.

Грохнули два выстрела. Корбут почти не целился, но один часовой замертво рухнул с дыркой точно в центре лба, другой получил пулю в плечо. Попытался скрыться за горой пепла, но пара выстрелов в спину оборвала его муки.

– Твоя очередь, товарищ Ахунов. – Профессор ткнул стволом пистолета ассистенту в грудь. – Будешь рассказывать мне про компартию или сразу займешься делом?

Ахунов бросился к печи.

– Я мигом. Я моментально. Все сделаю.

Возвращаясь к дрезине, Корбут вновь принялся рассуждать о перспективах генетических экспериментов. Тельман едва находил в себе силы, чтобы кивать головой в знак согласия и изредка поддакивать.

Только на подъезде к станции профессор сменил тему.

– Я не зверь, Тельман. Я – ученый и... Человек. А люди ошибаются. Учатся на ошибках. Кто знает, может, лет этак через десять, когда суперсолдаты станут железным кулаком нашей партии, мы будем вспоминать эту поездку как страшный сон. Идти на жертвы во имя науки – наш удел, наша великая миссия, наше проклятие. Ты понимаешь, о чем я?

– Я буду молчать, Михаил Андреевич. Никто ничего не узнает. Мы продолжим опыты и добьемся результата, которого ждет от нас товарищ Москвин и Коммунистическая Партия Московского Метрополитена.

– Все верно, товарищ Ахунов. Все верно. Остаются мелочи. Напишешь на мое имя подробный рапорт о том, что экспедиция, отправленная на «Щелково-Агрохим», потерпела неудачу. Никто не вернулся. Генсека это разозлит меньше, чем частичные потери. Нет тел – нет дел. Что касается часовых с блокпоста... Они, положим, дезертировали. Будь так любезен, шепни об этом начальнику станции. И оружие. Позаботься о нем. Спрячь.

– Сделаю, – вздохнул Тельман. – Их занесут в черные списки и объявят в розыск.

– А ты все-таки похож на Окуджаву! – задорно улыбнулся Корбут. – Как две капли воды!

– Тоже скажете...

– Скажу, Тельманчик. Скажу. А ты слушай. Заруби на носу и вбей себе в мозг: мы соучастники. Одно неосторожное, лишнее слово и ты – покойник. Обжора ждет. Помни об этом.

Тельман обреченно кивнул.

– Хочу принять душ, – объявил Корбут, спрыгивая с дрезины. – Тебе тоже советую. Воняешь.

Но принять душ Михаил Андреевич не успел. Его заинтересовало необычное оживление на станционной платформе. Свободные от работы жители «Лубянки-Дзержинской» наблюдали за тем, как по центру платформы маршируют рослые красавцы, явно специально отобранные бойцы в форме красноармейцев времен октябрьской революции с берданками.

– И-р-р-раз! И-и-и-два! Четче шаг! И-и-и-раз! И-и-и-два!

Опереточным отрядом командовал невысокий пухлый офицер в темно-синих галифе и кителе цвета хаки с ромбиками в петлицах. Фуражку с краповым околышем и синей тульей он зачем-то держал в руке. Возможно, потому, что она падала от чересчур энергичных кивков головой.

Корбут узнал командира. Никита. Фанатично преданный делу коммунизма служака. Тупой как валенок, но всегда готовый выполнить любой приказ.

– Пи-есню запева-а-ай!

– Смело товарищи в ногу! – заорали красноармейцы так, что окружавшие их зрители вздрогнули. – Духом окрепнем в борьбе! В царство свободы дорогу грудью проложим си-е-ебе!

Корбут рассмеялся. Про себя. Лицо его выражало солидарность с певцами и полную уверенность в том, что он на раз-два проложит своей грудью дорогу в царство свободы.

*Вышли мы все с разных станций,  
Дети семьи трудовой!  
В прошлом пускай оборванцы.  
Ныне ж – союз боевой!*

Тут Михаил Андреевич нахмурился. Когда-то он пару лет работал лектором общества «Знание» и, несмотря на насмешливое отношение к метрокомпартии, не мог не возмутиться столь вольной переделкой радинского<sup>2</sup> текста.

Москвину не помешает поставить к стенке пару-тройку придворных поэтов. Зажрались. Оборзели в корень. Думают, что полуграмотный генсек проглотит все, что они накосячат...

– Папа?

– Чеслав!

Сын Корбута, высокий, худощавый мужчина с длинными рыжеватыми волосами, узким лицом и немигающими, ледяными глазами, как и родитель, предпочитал не выделяться из толпы, но при внимательном взгляде можно было заметить, что из-под потертого плаща изредка выглядывает форма, пошитая из дорогого, генеральского сукна.

---

<sup>2</sup> Текст песни «Смело, товарищи, в ногу» написан Леонидом Петровичем Радиным.

– Давно здесь? – поинтересовался Михаил Андреевич.

– С полчаса наблюдаю за парадом. – Чеслав втянул тонкими ноздрями воздух. – От тебя пахнет дымом и еще какой-то мерзостью. Снова ходил к Обжоре? Бьется в тесной печурке огонь?

– Бьется. Хватит ерничать. Пошли ко мне, нам есть о чем поговорить. На парады еще успеешь насмотреться.

– Гм... Этот так называемый парад имеет к тебе самое прямое отношение.

– Вот как? – Корбут удивленно выгнул бровь. – Почему не знаю?

– Слишком много времени проводишь у себя в лаборатории и у печи. Отстал от жизни.

– Начинаешь надоедать своим сарказмом, сынок...

Отец и сын прошли в каморку профессора. Корбут-старший уселся в свое кресло, зажег фитиль лампы, достал из ящика письменного стола бутылку и два стакана.

– Первач высшей очистки. Такой сам Москвин пьет.

– Ну, раз сам Москвин...

Корбуты, не чокаясь, выпили.

– Так какое отношение имеют ко мне эти чудо-красноармейцы?

– Довелось мне случайно узнать о планах нашего дорогого генерального секретаря.

– Так уж и случайно!

– Сути дела это не меняет. Я должен быть в курсе планов наших вождей. Так вот: в секретном депо строится метропаровоз. На нем планируется перевезти тело Ленина на станцию «Проспект Мира» и там торжественно перезахоронить.

– Пусть себе хоронят. Мне эта мумия... Стоп. А как же звезды? Они же не позволят подойти к Мавзолею и на пушечный выстрел. Москвин собирается послать за Ильичом слепых стalkerов?!

– Давай-ка еще по одной, отец. Но на этот раз – по полной.

– Хватит тянуть крысу за хвост, Чеслав! – Михаил Андреевич залпом опорожнил свой стакан. – Москвин знает подземный ход к Мавзолею или собирается его прорыть?

– Ничего он не знает. Тут уж вся надежда на тебя. Мумию должны принести твои супер-солдаты, которым кремлевские звезды будут до лампочки.

Корбут вскочил. Сел. Снова вскочил.

– Но их нет! И в ближайшее время не предвидится! Опыты зашли в тупик!

– Придется поспешить, папа. Успокойся и хорошенько подумай над тем, что тебе потребуется для завершения работы по созданию генетически модифицированных людей.

– Люди прежде всего. Не тощие голодранцы, которых мне поставляют из твоего Бериллага. Не жулики, которых отлавливают на станциях Красной Линии. Это мы уже проходили. Все они увечные, тупые идохнут на первой стадии. Мне требуются не просто физически здоровые мужчины. Интеллект. Уровень ай-кью. Наши психиатры считают, что это тоже важно, и я целиком разделяю их мнение. Люди, Чеслав! Здоровые и умные. Все остальное сделаю я и мои коллеги.

– Пусть Москвин пожертвует десятком своих офицеров.

– Генсек и без того зол на меня за проволочку! Я не получу от него ничего!

– Печально, но не фатально. Нужен вербовщик. Профессионал. Не из наших и не из ваших. Тот, который будет контактировать только с тобой, работать без всяких идей. За патроны или... За собственную шкуру.

– Почему не из наших-ваших?

– Я тут недавно прочитал занимательную книжицу. – Чеслав задумчиво подпер рукой подбородок. – «День Шакала»<sup>3</sup> называется...

---

<sup>3</sup> «День Шакала» – роман английского писателя Фредерика Форсайта о попытке вождей подпольной организации OAS



– Смотрел я когда-то такой фильм, и что?

– А то, что фанатики, мечтавшие покончить с президентом де Голлем, ничегошеньки не смогли сделать из-за того, что наваливались всем скопом и посылали убийц, которые ни черта не смыслили в том, что им поручали. Плюс – предательства, утечка информации... Ближе всех к объекту подобрался наемник, профессионал-одиночка. Нужен не фанатик-коммунист, а авторитетный, хорошо знающий метро и его обитателей парень. Вот каким должен быть твой вербовщик!

Лицо профессора посветлело. Он откинулся на спинку кресла и даже улыбнулся.

– Профессионал, говоришь? Стоящая идея. Этот парень должен будет путешествовать по станциям и подкупать нужных мне людей... Так-так. Байку о райской жизни на «Лубянке» мы ему придумаем, патронами снабдим. Однако где взять такого профессионала?

– А вот тут я смогу помочь. Есть на примете один типчик. Его брательник у меня в Бериллаге кантуется.

– И чем хорош твой вербовщик?

– Страстно желает освободить родственничка. И еще. Он мутант. Карлик. Знает метро назубок. Контактирует с самыми разными группировками. Пролезет в любую щель. Этот недомерок – живая легенда нашей вонючей подземки.

– Кто такой?

– Николай Носов. Кликуха – Вездеход. Если мы его заполучим – половина дела сделана.

– Люблю иметь запасной вариант. Еще кто-нибудь на примете имеется?

– Из толковых? Дай-ка подумать... Сталкер. Зовется Шуттером<sup>4</sup>. Этот за патроны маму родную продаст. Прост как табуретка. И найти его будет легче, чем Вездехода, но я бы остановился на карлике. Он ведь и в твоей Обжоре места почти не займет.

---

убить президента Франции Шарля де Голля руками наемного профессионального убийцы.

<sup>4</sup> Герой рассказа «Tabula rasa» из сборника «Последнее убежище».

## Глава 3

### Пророчество

Ночная и дневная Москва были орлом и решкой одной монеты. И в то же время – двумя разными мирами, почти параллельными, редко соприкасающимися измерениями. Мутанты, разгуливавшие по руинам города ночью, не желали не иметь ничего общего с монстрами, которые заполняли мертвый город днем. Между ними было заключено что-то вроде соглашения. Двухстороннего. Людей оно не касалось. Их рвали на куски и ночные, и дневные монстры, а они в ответ старались кончить и тех, и других. К тому же бывшие хозяева планеты не рисковали высываться на поверхность при дневном свете.

По всему выходило, что люди были самыми бесправными, обреченными на вымирание существами. И при этом имели амбиции просто-таки космических масштабов.

Не-а, братцы, при таком раскладе не спасут вас ни «Сатанинская библия», ни «Приключения Буратино»!

Об этом думал Вездеход, пробираясь к заветному коллектору. Он почти приноровился к темпу, с которым луну закрывали темные облака. Прятался в ближайшем подходящем месте, когда затянутый мутной пеленой желтый диск выскальзывал из-за туч, и двигался короткими перебежками, когда луна исчезала. Если укрытия не находилось поблизости, просто лежал на асфальте, вжимаясь в него всем телом.

До туннеля оставалось совсем немного, когда карлик почувствовал неладное. Что произошло, что изменилось?! Тишина! Все дело в ней. Ночная жизнь разрушенного города была наполнена звуками. Близкими и далекими. Таящими в себе угрозу и теми, которые не заслуживали внимания. А теперь Вездеход не слышал ничего. Может, дело в нем самом и что-то случилось с ушами?

Карлик собирался снять противогаз и разобраться в том, не оглох ли он, но не успел. Раздался скрежет. Металлический лязг. Сдвинулась с места, а затем перевернулась на бок одна из вереницы легковушек. Станным было то, что Вездеход не видел существа, забавлявшегося с машиной. Ни внутри покореженного салона, ни снаружи. Что за ерунда? Карлик присел, упершись коленом в землю, прижал автомат к плечу и прицелился в легковушку. И тут же понял: его противником будет тот, кому пули вреда не причинят.

– Ба-ба-бах!

Вторая машина взлетела в воздух и грохнулась на асфальт. Зашевелились ветви деревьев на противоположной стороне улицы. Ветер взметнул клубы пыли с дороги, и они не осели, а обрели форму перевернутого конуса. Воронка эта бешено завращалась, втягивая в себя сначала пылинки, а затем и предметы покрупнее. Конус продолжал засасывать в себя все, что находилось поблизости – осколки асфальта и бетонной плитки, ржавые железяки и прочий мусор. Раздвигал остовы машины, набирал размеры и скорость. Изгибался и выпрямлялся, словно бы танцуя.

Смерч! Мощный поток воздуха ударил Вездехода в грудь, опрокинул на спину и потащил по земле, вырвав из рук автомат. Носов понял, что воронка смерча вот-вот втянет его в себя, и вцепился обеими руками в бордюр.

Грохот и завывание все нарастали, а потом резко оборвались. Вездеход оставил бордюр в покое. Приподнял голову, обернулся. Вихревая воронка исчезла так же внезапно, как и появилась. Носов сел, осмотрелся в поисках «калаша». Автомат преспокойно лежал на асфальте в десяти метрах. Обошлось...

Шуршание кустов на невысоком холме, где громоздились руины здания, от которого теперь остался лишь первый этаж, предупредило карлика о новой опасности. Из темного проема окна выпрыгнуло существо с шарообразной головой, желтые глаза уставились на Носова.

Мутант выпрямился. Был он невысоким, но небольшой рост компенсировался шириной плеч, выпуклой грудью и вздувшимися буграми мускулов на руках.

Выбравшаяся из-за туч луна осветила чудище. Гладкая и черная, как резина, кожа. Курчавые завитки темной шерсти на груди. Приплюснутый, расплывшийся на добрую половину морды нос и безгубый, выглядевший тонкой линией рот.

Раскачиваясь как пьяный и размахивая руками, мутант стал спускаться с холма. Кусты внизу! Рассматривая безгубого, карлик забыл о них. Колючие ветки раздвинулись, высунулась шарообразная голова. Второй мутант подкрался к Вездеходу гораздо ближе.

Николай понял, что не успеет добраться до автомата. Придется выкручиваться по-другому. Не отрывая взгляда от приближающегося мутанта, Вездеход снял рюкзак со спины.

– Спокойно, дружок. Мы все еще можем договориться...

Монстр не издал ни звука и... улыбнулся. Точнее, просто разинул пасть, демонстрируя ровный ряд поразительно белых зубов. Продолжая улыбаться, шел на Вездехода. Рука карлика скользнула в рюкзак, пальцы нащупали трубку и перетянутую резинкой связку игл. Ими он пользовался в тех случаях, когда требовалось убивать бесшумно.

Первые иглы Вездеходу сделал Феррум. Были они деревянными и пропитывались специальным ядовитым составом. После гибели химика карлик заменил иглы на шипы растения. Ядовитым оно было само по себе. Главная трудность состояла в том, что пополнять запасы игл можно было в одном-единственном месте – нужный кустарник рос у наземного вестибюля станции «Чкаловская», а охраняли его бесшерстные псы-мутанты.

Вездеход медленно, чтобы не провоцировать шароголового, снял противогаз. Безгубый был всего в метре, когда карлик поднес трубку к губам. Фью-и-итть! Игла вонзилась в шею мутанта и он перестал улыбаться. Не нашел ничего лучше, чем хлопнуть себя ладонью по шее, вгоняя ядовитый шип еще глубже и... ринуться на карлика. Тот успел плюнуть шипом еще раз и откатился в сторону.

Безгубый пробежал по инерции несколько метров вперед, развернулся, чтобы атаковать снова. Третья игла вонзилась ему в грудь.

Человеку обычно хватало и одного шипа, но тут был другой случай. Яд подействовал в тот момент, когда Вездеход понял, что не успеет сделать четвертый плевок. Чудище промчалось мимо, хлопая себя по тем местам, куда впились иглы, и ничком рухнуло на асфальт.

Второй, уже выбравшийся из кустов, мутант остановился. Он, кажется, сообразил, что маленький человек опасен. Развернулся, собираясь ретироваться, но Вездеход уже решил не экономить колючек. Три плевок. Иглы вонзились в спину беглеца, и он с треском завалился в кусты.

– Я ж предлагал договориться.

Через десять минут Николай уже забрался в отверстие коллектора. Было оно настолько узким и неприметным, что не интересовало ни людей, ни мутантов. Карлик отыскал этот выход на поверхность, когда в одну из ночей обследовал машинный зал под навеки замершими эскалаторами «Боровицкой».

В назначении череды вертикальных и горизонтальных труб квадратного сечения разобаться он так и не смог. Обитали в них исключительно крысы.

Сейчас, протискиваясь по узкой трубе, карлик видел перед собой их красные глаза. Хвостатые твари, казалось, узнавали Носова и не пытались нападать.

Взмокший от пота, тяжело дышавший Вездеход прополз через последний туннель, ткнул стволом автомата в ржавую стальную решетку. Та с мелодичным звоном упала на пол машинного зала.

Николай сел. Привалился спиной к стене, с наслаждением вдохнул милые сердцу запахи машинного масла, ржавого металла, пыли и паутины.

Аккуратно вставил решетку на место, пшикнув на крысу, заинтересованно выглядывавшую из темноты трубы.

Прошел мимо шахматно расставленных силовых агрегатов и поднялся по стальной лестнице в будку машиниста. Из нее давно вынесли все, что могло пригодиться на станции. Зато стекла были целыми, а неприхотливому карлику вполне хватало плоского, как блин, тюфяка на полу, консервной банки с машинным маслом и деревянного ящика, в котором хранился нехитрый скарб вечного, бездомного сталкера.

Заплясал на кончике фитиля оранжевый огонек. При его свете карлик осмотрел автомат, с сожалением покачав головой. Примотанный изолентой к стволу фонарик был разбит. Минус пять патронов. Вынужденная трата. Вездеход расстелил на полу будки тряпку, разобрал «калаш», старательно его вычистил, вставил новый рожок и передернул затвор.

Скромный завтрак Носова состоял из горсти сушеных грибов и пары кусков вяленого мяса. Запив все это водой из фляжки, карлик стянул с себя комбинезон салатного цвета. После тщательного осмотра убедился в том, что он цел, и убрал в ящик. Книгу, с таким трудом добытую в Великой Библиотеке, заткнул за ремень и прикрыл свитером.

Последним штрихом «метрошного» наряда карлика была черная бейсболка, которую Вездеход носил козырьком назад.

Вооружившись самодельной отмычкой, Николай направился к стальной двери. Повозившись с замком, вышел в технический блок, поднялся по двухпролетной лестнице. Дверь, выходящая на платформу, была деревянной и блокировалась цепью с навесным замком, но карлику вполне хватало щели между дверью и косяком. Он протиснулся через нее и оказался на платформе просыпающейся «Боровицкой».

Первым Вездехода заметил часовой, охранявший вход в туннель. Он сидел на мешке с песком, поставив автомат между колен и с присвистом затягивался самокруткой.

– Здорово, Вездеход. Опять мимо кассы?

– Не опять, а снова.

– Эх и невежливый ты парень! Когда-нибудь отслежу, в какую дыру ты пролезаешь на станцию. Ох, отслежу! Курнешь?

– Не-а. Боюсь, что не вырасту.

Часовой расхохотался и затих только после того, как его обругали матом дремавшие товарищи.

Карлик усмехнулся и пошел мимо рядов жилых и технических каморок к массивному, сложенному из бетонных блоков сооружению, дверь которого украшал желтый треугольник радиации.

На пункте дезактивации Вездеход был своим человеком. Он давно дружил с хозяином «ПД» – старичком-брамином Семенычем, которому на вид было не меньше ста лет.

Носов постучался в дверь. Никто не ответил. Внутри «ПД» шумел пылесос. Семеныч и без пылесоса почти глухой как тетерев, не услышал стука, пришлось войти без приглашения. Старик не заметил Вездехода. Он старательно водил щеткой пылесоса по страницам какого-то глянцевого журнала. Карлик присел на табурет рядом с всхлипывающим дизельным генератором, достал свою лавеевскую «Библию» и принялся ее листать. Рассматривая картинки, на которых женщины и мужчины совокуплялись с животными, карлик с трудом удержался от того, чтобы не сплюнуть на пол.

Семеныч, как и положено профессиональному дезактиваторщику, страдал гиперстерильностью и никогда бы не простил своему маленькому другу плевок.

Старик наконец закончил с журналом, положил его на стопку уже очищенных книг, выключил пылесос и соизволил заметить Вездехода.

– Ну-с, и с чем на этот раз пожаловали, молодой человек?

– Здравсте, Семеныч. Книжку одну хочю оценить.

– Книжку, книжку...

Сгорбившись и шаркая обутыми в шлепанцы ногами, старик подошел к столу, нацепил очки. Толстые линзы увеличили обведенные красными кругами глаза.

– Давай сюда свою книжку... Одна морока с вами...

– Я ж не за бесплатно, Семеныч. – Вездеход положил перед стариком «Библию» и два патрона. – Ну, очень надо. Продешевить боюсь.

– Тс-с-с! – Семеныч склонился над книжкой. – Продешевить... Ага...

Прежде чем раскрыть фолиант, старик уткнулся в обложку носом.

– Пахнет Великой Библиотекой, Вездеходик. Неужто простемился и туда?

– Простемился.

– Простемился... Молодцом.

Семеныч принялся листать книгу, бормоча себе под нос что-то маловразумительное. Прошло минут десять, прежде чем старик захлопнул «Библию».

– Полис отвалит тебе за нее пятьдесят патронов. Не меньше. Насколько я помню, а память меня пока не подводила, Лавая у нас нет. Если хорошенько поторговаться, получишь даже пятьдесят пять. Так как?

– Никак, Семеныч, – вздохнул карлик. – Книгу заказали жители Тимирязевской.

– Дурак. Молодой дурак. Уж лучше иметь дело с библиотекарями, чем с сатанистами.

– Я слово дал...

– Ага. Ну, цену я тебе обозначил. Забирай свое сокровище. Эх, молодо-зелено.

Вездеход собирался сунуть творение Лавая под свитер, но не успел. Дверь распахнулась и в комнату стремительно влетел рослый, крепко сбитый мужик в новеньком ОЗК. Из-за правого плеча гостя торчал черный ствол дробовика, из-за левого – обшарпанный приклад «калаша».

– Здорово, Семеныч. Привет, Вездеход. Чей-то ты от меня прячешь?

– Книга это, Шуттер. Просто книга. – Вездеход опустил край свитера.

Шуттер уселся на крышку генератора.

– Книга. Вот и меня откомандировали за книгой. С черными страницами и золотыми буквами. Хочу, Семеныч, с тобой посоветоваться. Надо бы знать, с какого бока в Библиотеку попасть.

– Попасть – дело нехитрое, – буркнул старик. – Как бы не пропасть опосля. Хотя парень ты прыткий, может и... Вездеход вот ухитрился.

– Ты был в библиотеке?! – Глаза Шуттера округлились от изумления. – Что ж не хвалишься?

– Ну, был...

– Учись, Шуттер. А сейчас этот малыш на «Тимирязевскую», к сатанистам. Эти почище Библиотекарей будут.

Вездеход промолчал, мысленно проклиная старческую болтливость Семеныча.

– Библиотекари – просто безмозглые мутанты. – Шуттер нахмурился. – Справлюсь как-нибудь. И не таких мочить доводилось.

– Не библиотекарей, книги бойся. Если это то, о чем я думаю, то... Атомная бомба – просто игрушка в сравнении с ней.

– Книга и есть книга, – махнул рукой Шуттер. – Я твои браминские байки слушать не желаю. Наплетете с три короба, мозги запудрите, на пустом месте тайну организуете. А я – парень простой. Отработал свое и гуляю на полную катушку. Может, и жив потому, что в рассказни не верю.

– Хозяин – барин, – вздохнул Семеныч. – Десять патронов за план Библиотеки.

– А почему не сто?!

– По кочану. Спорить со мной станешь?

– Семь, старик...

– Девять. И это мое последнее слово. И то потому, что задачу перед тобой ставили брамины.

– Эх, будь по-твоему, старый хрыч. – Шуттер вытащил из объемистого, нашитого на живот кармана автоматный рожок, отсчитал патроны и положил горсть на стол.

Семеныч прошаркал за обитую свинцовыми полосами дверь. Через несколько минут вернулся с желтым, потрепанным на краях листком бумаги.

– План... Там карандашом наиболее опасные места отмечены.

– Опасные? Уже дрожу! Ну, спасибо, Семеныч! – Шуттер направился к выходу. – Когда помирать-то собираешься? Ох и нажрусь же я за упокой твоей души!

– Не выйдет, Шуттер. – Старик покачал головой. – Это я чарку за упокой твоей выпью.

Сталкер расхохотался и скрылся за дверью. Семеныч вздохнул. Покашлял. Вездеходу стало жаль брамина. Глубокий старик. Лицо, обтянутое тонкой, почти прозрачной кожей. Эти красные круги под выцветшими от возраста глазами. Окруженные вертикальными складками-морщинами губы. Белый пушок вместо волос. Бесконечная усталость в каждом движении.

Шуттер – та еще сволочь. Когда помирать собираешься... Нельзя так с Семенычем. Смерть доберется до него и без напоминаний Шуттера. До чего ж погано стало на душе!

– Он вернется, – вдруг тихо сказал старик. – И очень скоро. Вернется и даже оклемается. Но прежним уже никогда не будет.

– Почему? – вздрогнул карлик от мрачного пророчества.

– Он ее откроет. Не сможет удержаться. Книга высосет из него сначала разум, а потом и жизнь. Он обязательно раскроет ее, а простым смертным этого делать нельзя. Будущее положено знать одному Богу. Может, еще Наблюдателям.

– Семеныч, а что за Книга и кто такие Наблюдатели?

– Гм... Если бы знать точно. За свою долгую жизнь я много чего повидал. Больше плохого, чем хорошего. Похоронил жену, отпел детей – еще до Катаклизма, так что метро меня не напугало. Задолго до того, как Москву расколошматили в пух и прах, мне уже было все равно, где и как жить. Ну а Книга... Думаю, она существует – слишком уж много я слышал о ней от самых разных людей. Описания совпадают. Черные страницы, золотые буквы. Прошрое, настоящее и будущее человечества. Проблема в том, что Книгу получит только тот, кого она сама выберет. И будет это явно не Шуттер.

– Почему?

– Слишком наглый. Слишком самоуверенный. Он отыщет Книгу, а дальше все будет так, как решит Она.

Вездеход ничего не понял. Книга... Живая она, что ли? Семеныч на грани. Выживает из ума, впадает в детство. В его возрасте – нормальное явление.

– А Наблюдатели?

– Тоже из области легенд. Слышал небось про Мамочку и Путевого Обходчика?

– Слышал. Приходилось.

– А многие видели... Так и Наблюдатели. Это общество не было бы тайным, если бы о его существовании знали наверняка. Говорят, что они всегда рядом. Наблюдатели – мастера маскировки, одним из них может оказаться любой. Ты или я. Какой-нибудь оборванец, живущий на самой захолустной станции. Они следят за людьми, изучают их, но вмешиваются в самых крайних случаях. И снова вопрос, на который нет ответа: какой случай для Наблюдателей крайний? Нам неизвестна их конечная цель, поэтому...

Семеныч развел руками. Вездеход понял, что рассказ окончен, и встал.

– Спасибо за книгу и интересный рассказ. Будет о чем подумать на досуге.

– Думаи, малыш, думаи. Особенно тогда, когда решишь сунуться в пекло. Поверь мне: даже наша жизнь не настолько плоха, чтобы умирать молодым.

– До встречи, Семеныч...

Забот у Вездехода хватало и без Наблюдателей. «Тимирязевская» – сплошная головная боль. А ведь до логова сатанистов еще предстояло добратся. Каким маршрутом он двинется на этот раз?

Карлик направился в сторону западного вестибюля «Арбатской», мимо палаток торговцев, которые уже начали расставлять свои товары. Перед мысленным взором Вездехода стояла карта московской подземки. Он выстраивал свой маршрут с учетом опыта былых путешествий и полностью сосредоточился на этом, не обращая внимания на суету вокруг и людей, ее создававших.

А вот карлика замечали. И смотрели на него по-разному. Те, кто знал Вездехода – уважительно, те же, кому довелось увидеть маленького человечка впервые – с интересом. Как-никак, а мутант с лицом мальчика и мудрыми глазами взрослого человека – существо экзотическое и неполноценное.

Вездеход привык к подобным взглядам и готов был дать отпор любому, кто осмелился бы его оскорбить словом или действием.

Он остановился у лотка торговца электрическими приборами, ткнул пальцем в подходящий фонарик.

– Сколько?

– А у тебя, пацаненок, разве патроны есть?

– Спрашиваю: сколько?

Торговец, толстяк восточной наружности, встретился взглядом с карликом и сразу обмяк, сдулся.

– Ну, сэм... По-братски.

– Четыре.

– Пять!

Вездеход высыпал на лоток пять патронов, забрал фонарик. Внимание его привлек хохот и выкрики в торце платформы. Там собралась разномастная толпа. Сталкеры, брамины, кшатрии и просто забредшие на «Боровицкую» бродяги смотрели представление «петрушечников».

Кукольный театр был устроен с максимальной простотой. Брезентовый прямоугольник, пара стальных стоек, основаниями которым служили ржавые автомобильные диски. За брезентом прятались артисты, управлявшие куклами.

– Хайль, Гитлер! – выкрикнула кукла, сшитая из черных тряпок, в фуражке со свастики. – Да здравствует Четвертый рейх!

– Слава КПСС! – возразила кукла в форме цвета хаки с намалеванной на всю грудь красной звездой. – Да здравствует товарищ Москвин!

– Да пошли вы! – Выпрыгнувшая из-за верхнего края брезента кукла сжимала в тряпичных ручонках игрушечный автомат. – Ганза всех вас имела! Тра-та-та!

Зрители дружно захохотали. Представление продолжилось. Вездеход с улыбкой смотрел на спектакль, когда его толкнули в спину.

– Не путайся под ногами, мелюзга!

Карлик поднял голову. Мужик в грязном плаще и стоптанных кирзовых сапогах, с красным, как помидор, носом дохнул на Вездехода перегаром.

– Че палишься?

Носов уже собирался задать пьянчуге по первое число, но того оттеснил в сторону пожилой мужчина среднего роста, одетый во все черное.

– Спектакль смотрите? – произнес он, чуть заметно картавя. – Так-так...

– А ты че пихаешься?

– Ну извини, – тихо, почти ласково произнес человек в черном. – Хочешь сказать что-то еще?

Пьянчуга посмотрел на незнакомца, вдруг развернулся и, расталкивая локтями толпу, скрылся из вида.

– Привет, Вездеход.

– Здорово, Макс.

Тот, кого карлик назвал Максом, выглядел так, словно прилетел на «Боровицкую» из космоса. Черная, потертая, но добротная куртка с множеством карманов поверх черного свитера. Брюки спортивного покроя тоже были черными, как и кроссовки на толстой подошве. Из-под черной, вязаной шапки торчал локон некогда темных, а теперь уже тронутых сединой волос. Узкое, продолговатое лицо с родинкой у правого уголка рта выглядело уставшим и выдавало возраст Макса – больше шестидесяти.

Правда, уверенные движения, накачанные бицепсы и пружинистая походка были совсем не стариковскими. Из-за плеча Макса торчала обмотанная черной изолентой рукоятка катаны. Нечего и говорить, что ремень на поясе, кобура и сумка-портфель с блестящей застежкой были черными. Шуттер, например, тоже выглядел грозно, но до Макса ему было далеко, и вовсе не из-за черного наряда. Глаза человека в черном. Большие и темные, они смотрели на все и вся с полным, граничащим с презрением, равнодушием. А мне по барабану – говорили эти глаза.

Карлик и Макс выбрались из толпы зрителей.

– Как дела, Николай?

– Все нормально. Сегодня же выдвигаюсь на «Тимирязевскую». Встречаемся здесь?

– Не получится, дружок. Как насчет «Павелецкой»? У крысиного ипподрома?

– Можно, – кивнул Носов. – Если долго не задерживаться. Фонит там. Заодно загляну к своим, на «Автозаводскую».

– От меня что-нибудь нужно? Документы, снаряжение?

– Сам справлюсь. Не впервой.

– Тогда до встречи.

– Пока...

Макс вытащил из кармана наушники плеера, вставил амбушюры в уши, развернулся и двинулся вдоль края платформы. Все, кто встречался ему на пути, почтительно уступали дорогу.

Вездеход проводил Макса задумчивым взглядом. Тот нанимал его во второй раз. Представляясь, назвал нескольких общих знакомых с «Автозаводской», щедро заплатил за информацию, добытую карликом, вел себя по-дружески. И все было бы ничего, если бы не одно «но». В Городе Мастеров никто ничего не знал о человеке в черном с очень приметной родинкой.



## Глава 4

### «Детский мир»

- Ш-ш-ш-ш... И-и-и-и... Ш-ш-ш...
- Эй, кто там хренью страдает! А ну стихли! Вскрапнуть дайте...
- Ш-ш-ш-ш...
- Это снова офицерик воду мутит.
- Пришить бы его, Челпан.
- Для начала отметелим, чтоб кровью срал!

Вспыхнула спичка. Ее дрожащий огонек осветил прямоугольное помещение без окон и несколько ступенек лестницы, ведущей куда-то наверх. Было здесь неимоверно грязно. Толстый слой мусора, состоявший из обрывков одежды, костей и чего-то, что нельзя было идентифицировать, скрывал пол, виднелись остатки турникетов.

У ступеней стояло гнущее, ржавое ведро. Вонь, заполнявшая помещение, у ведра переходила в смрад, от которого слезились глаза.

Обитатели этого места старались держаться как можно дальше не только от «параши», но и друг от друга. Все они сидели у стен, кроме толстяка в рваной матроске, который, держа в руке горящую спичку, устроился на нижней ступени. В качестве постели он использовал обломок пластиковой навигации, на котором черными буквами было написано «...тральный детский зин...».

Седые, включенные и слипшиеся от грязи волосы, растущая абы как борода, маленькие глаза, острый как бритва взгляд толстяка говорили о том, что он достаточно много времени провел в «Детском мире» и что оказался он здесь вполне заслуженно. Он кривил пухлые, чуть синеватые губы, почесывал татуированной пятерней волосатый живот и, не отрываясь, смотрел на человека в офицерской форме, который обломком кости что-то чертил на мраморной плитке. Пока он успел нацарапать всего две буквы «К» и «И». Спичка погасла. Скрежет кости так и не стих.

- Он нас на фуфельнике вертел! – донеслось со стороны лестницы. – Бей его, бродяги! Шуршание мусора. Сопение. Глухие удары. Стон.
- Он мне нос сломал! Где эта тварь?!
- Здесь я. Подходи по одному!
- Снова удары. И крик. Пронзительный, яростный.

Что-то лязгнуло. Через открывшееся металлическое окошко в помещение проник конус тусклого света. Высунулся ствол автомата.

– Всем закрыть поддувалы! Тишина, уроды. Если услышу, как кто-то пернет, брошу гранату. Усекли?

- Не дожидаясь ответа, человек снаружи закрыл окошко.
- Ну, офицерик, считай себя покойником!
- Ш-ш-ш-ш... И-и-и-и... Ш-ш-ш...

Основной, южный вестибюль «Лубянки-Дзержинской» был оборудован по всем правилам безопасности, с учетом навязчивых коммунистических идей, большевистских фобий и чекистской шпиономании – десяток вышколенных часовых, блокпост, укрепленный помимо мешков с песком бетонными блоками, два пулемета, направленных внутрь и наружу, пара мощных прожекторов и... Никаких иллюзий по поводу того, что без разрешения руководства станции через блокпост не пролетит даже муха.

О правом же рукаве туннеля, называемом «Детский мир», обитатели станции предпочитали не болтать и без крайней необходимости туда не соваться. На самом деле мир там был далеко не детским. Вход в рукав перегораживала стальная решетка из толстых прутьев, возле

которой постоянно дежурили два охранника с бульдожьими рожами. В двух метрах от решетки, в полумраке, высилась стена, сваренная из листовой стали. Она полностью, от пола до потолка, от одной стены до другой перегораживала правый туннель. Дверь, тоже железная, с маленьким окошком, была такой низкой, что взрослый человек мог пройти в нее, только согнувшись пополам.

«Детский мир» выполнял функции изолятора временного содержания – в нем дожидались отправки в Берилаг те, кто, по мнению руководства станции, могли принести вред или скомпрометировать Коммунистическую Партию Метрополитена: бродяги и воры, проникавшие на «Лубянку» в надежде чем-нибудь поживиться, заподозренные в шпионаже чужаки, а также свои родненькие диссиденты.

Тех, кто попадал «Детский мир», людьми уже не считали, о них забывали.

Некоторые задерживались во временной тюрьме надолго. Питались крысами и объедами со столов жителей «Дзержинской», сидели в полной темноте. Поговаривали, что узники «Детского мира» выносят свою парашу прямо на поверхность – без защитных костюмов и противогазов. Ходили слухи и о том, что самых борзых нарушителей дисциплины расстреливали наверху. Так или иначе, но «Детский мир» вел вполне автономную жизнь, а отправка в Берилаг считалась для обитателей маленького ада поездкой на курорт.

Профессора Корбута с его отношением к людям как к человеческому материалу все эти нюансы не интересовали. Он направлялся в «Детский мир» с инспекцией, сжимая в ладони картонку с личной печатью самого генсека. Она означала, что Михаил Андреевич может делать с любым узником все, что ему заблагорассудится.

Насвистывая привязавшуюся «Смело, товарищи, в ногу», Корбут свернул в правый рукав. Из-за безлюдья все звуки, подхватываемые эхом, были тут нарочито громкими. И охранники узнали о приближении профессора раньше, чем увидели его.

– Пусть все построится в коридоре. – Корбут показал картонку с печатью. – Быстро!

Профессор был облачен в белый халат, который взволновал «бульдогов» гораздо больше, чем печать Москвина.

Лязгнул замок, стукнула решетка, заскрипела дверь.

– Эй, диссиденты хреновы, выходим по одному. Лапы за спину! Без лишних движений. Стреляем без предупреждения. Па-а-ашли!

Первым из темного проема двери появился человек в офицерской форме. Когда он наклонился, чтобы пройти в дверь, стали заметны следы содранных погон. Офицер забыл о приказе держать руки за спиной. Зажмурившись от яркого света, он прикрыл глаза ладонью, тут же получил удар прикладом между лопаток и распластался на полу. Охранник схватил его за шиворот и выволок в коридор.

– Встать, паскуда!

Офицер встал. Поднял голову. Корбут увидел фиолетовое от кровоподтеков лицо и глаза, превратившиеся в узкие щелки. Он узнал офицера.

– Профессор, итить твою мать! – Узник улыбнулся, и стало видно, что все передние зубы у него выбиты. – По мою душу пришел?

– Ма-алчать! – рявкнул охранник, подбегая к офицеру. – Счас я тебя заткну!

– Не трогать, – приказал Корбут. – Занимайтесь остальными. Здравствуй, Кирилл. Не знал, что ты здесь. Впрочем, все к этому шло. Твои речи на последнем съезде компартии слишком раздражали генсека...

– Да пошел он в жопу, твой генсек! Я даже рад, что больше не участвую в том бреде, который затеяла ваша говнопартия! Допрыгаетесь! Вас тоже поставят к стенке. И тебя, морда генетическая, и твоего генерального секретаря!

Михаил Андреевич раздраженно кивнул охраннику. Автоматная очередь отшвырнула диссидента к стене. Он сполз на пол, оставив на мраморной плитке два параллельных потока крови.

Другим узникам пришлось переступить через труп офицера. Оказалось, что сапоги имелись только у убитого. Все остальные были босыми. Восемь узников разного возраста – грязные, как кочегары, одетые в лохмотья. Все одинаково хлопали глазами и щурились, двоих трясло. Судя по мутным взглядам и проплешинам на головах, они получили приличную дозу радиации. Остальные выглядели не лучше, но не болели – дело было в плохой кормежке.

В коридоре завоняло так, что Корбуту пришлось прикрыть нос платком. Он медленно прошел вдоль строя. Остановился напротив приземистого толстяка со свежеразбитым носом в рваной матроске, которая сползла с плеча, обнажив татуировку тигра с разинутой пастью.

– Кто такой?

– А какая разница, начальник? Курнуть че-нить дай. Может, тогда обзовусь.

Корбут снова кивнул охраннику. Тот подошел к уголовнику и врезал ему кулаком в живот.

– Фу-у-у! Ах...

Толстяк сдупся, как пробитый мячик, согнувшись пополам.

– На том свете покуришь, – буркнул охранник. – На вопросы отвечать!

– Отвечу, начальник. Отвечу. Спрашивай.

– Не начальник. Товарищ Корбут. Повторяю: кто такой, откуда?

– С «Третьяковской». Погоняло – Челпан. Под Бугром хожу.

– Ходил. Если ты не в курсе, твой Бугор завербован нашими спецслужбами.

– Ссучился?!

– Давно.

– Вот падла. Если выберусь отсюда...

– Не выберешься, если я за тебя словечко не замолвлю. Зачем пришел сюда?

– Станция, говорили, зажиточная. Хотел оружием да «маслятами» разжиться...

– Вижу, накормили тебя ими досыта.

– Да уж, начальник... Ой! Товарищ Корбут...

– Один пришел?

Челпан ответить не успел. Мужчина, пострадавший от лучевой болезни, вдруг упал. Начал молотить босыми ногами по полу и выгибаться, на губах его выступила белая пена.

– Убрать эту падаль! – брезгливо поморщился профессор. – Второго, что трясется, тоже! Человеческий материал называется... И они хотят, чтоб из такого говна я слепил им конфетку...

Когда охранники выполнили приказ, Корбут продолжил беседу.

– Так один пришел?

– Не-а. – Толстяк вышел из строя, поднял руку, поочередно указал на двоих дружков. – Трое нас. Это Фикса, это – Глюк...

Выглядели кореша Челпана весьма колоритно. Фикса, узколобый мужик с носом, который своим изгибом очень напоминал свиное рыло, ухитрился получить в драке шрам, расщеливший обе губы, отчего рот его был постоянно приоткрыт. Свое прозвище уголовник получил за стальную коронку на одном из сохранившихся зубов.

Глюк выглядел гораздо представительнее. Коренастой фигурой и окладистой черной бородкой он чем-то походил на купца не последней гильдии. Портили его белесые брови, которые были постоянно изогнуты в гримасе удивления. Бегающие глаза и порывистые, дерганные движения выдавали в Глюке любителя галлюциногенных грибов, ширева, дури и прочих утех той категории людей, которые очень любят изучать повадки розовых слонов.

– Жить хочешь, Челпан?

– Хочу...

– Если будешь работать на меня, протянешь еще год-два. Большого обещать не могу. Уж очень паскудная у тебя рожа. Рука к пистолету тянется...

– А че делать-то?

– Позже узнаешь. – Корбут поманил охранника пальцем. – Челпана и его подельников отмыть, накормить, переодеть. После собеседования у Субботина – ко мне в кабинет. Занимайтесь.

Михаил Андреевич сунул платок в карман халата и двинулся в сторону станции.

– Началь... Товарищ Корбут! – окликнул профессора Челпан. – Можно...

– Чего тебе?

– Коцы<sup>5</sup>... Сапожки с офицерики сниму? Ему ж уже без надобности...

– Снимай, мародер чертов...

Прежде чем стаскивать сапоги, Челпан пнул мертвеца в бок.

– Я же предупреждал...

Уже через два часа вымытый, накормленный, чисто выбритый и переодетый Челпан сидел в кабинете начальника лубянской контрразведки Матвея Субботина и рассматривал носки своих новых сапог. Приказ Корбута был выполнен безукоризненно – на носу бандюги даже белела поперечная полоска пластыря.

Субботин, молодой блондин с нежным, почти девичьим лицом и большими обманчиво-наивными глазами, со скучающим видом задавал Челпану вопросы, а тот никак не мог взять в толк, зачем этому дотошному юнцу знать такие подробности его уголовной жизни. С трудом вспомнил свои имя-фамилию, запутался, рассказывая о бандитской иерархии на «Третьяковской», количестве людей и вооружении.

Матвей записал ответы Челпана и ткнул карандашом в направлении двери.

– Свободен. Пока. Поступаешь в распоряжение товарища Корбута. Зови дружков. Нехай вместе заходят.

На Фиксу и Глюка Субботин потратил двадцать минут – побоялся, что может нарушить умственное равновесие парочки дебилов. Фикса – жулик, Глюк еще и наркоман, Челпан... Ничего особенного. Уголовник. Зачем они потребовались Корбуту? Таким ведь ничего нельзя поручить – они плюнут на задание и пойдут грабить.

Матвей зачем-то помешал ложечкой грибной чай – сахара там не было. Он так задумался, что в один присест проглотил напиток, не заметив, что тот давно остыл.

Многие старые коммунисты удивлялись решению Москвина доверить Субботину, которому не было еще и тридцати, такой важный участок работы как оперативно-розыскная деятельность. А секрет кадрового культибита объяснялся просто – Матвей являлся внебрачным сыном видного партийного деятеля, ближайшего соратника генсека, и пользовался его безграничным доверием. Правда, знали о родстве только самые высшие партийцы.

Отец не хотел признавать сына в открытую. Причины могло быть две. Функционер боялся подать плохой пример комсомольцам Красной Линии, а может, стеснялся того, что у сына имелся маленький физический дефект – шесть пальцев на левой руке. Такого наследника у одного из лидеров компартии метрополитена просто не могло быть!

Субботин пока мало что смыслил в порученном деле, но был отличным канцеляристом и сумел окружить себя опытными фээсбэшниками, жадно впитывал их знания и опыт, частенько выдавал решения наставников за свои собственные и уже в ближайшем будущем обещал стать блестящим аналитиком.

После ухода третьяковских он задумчиво смотрел на бронзовый бюстик Дзержинского на своем столе.

---

<sup>5</sup> Коцы (жарг.) – рабочая обувь уголовника.

Корбут затевает что-то, о чем не знает Москвин. Нехорошо. Такие телодвижения могут привести к сепаратизму, а потом и к расколу в партии. И грош тебе цена, Матюша, если этот раскол ты не остановишь. Профессор давно напрашивается на неприятности, но предъявить ему пока нечего. Он соблюдает правила, да и генсек пока благоволит к своему генетику. Ничего, он еще посчитается с профессором – не за то, что Корбут прирожденный живодер, и не за то, что манипулирует Москвиным. Михал Андреич ответит за то, что однажды, в приватном разговоре обозвал его Шестипалым.

Интересно, зачем тут крутился сын Корбута? Это не станет отрывать задницу от стула просто так. Что они затевают? Придется набраться терпения и ждать. А еще – переговорить с Яшкой Берзиным. Начальник охраны Берилага не очень-то жалуется своего шефа ЧК и с удовольствием поделится маленькими тайнами Чеслава. Ладно, ладно. Семейка Корбутов еще узнает, как умеет мстить Шестипалый за себя, отца и... компартию!

– Правильно? – произнес Субботин вслух, обращаясь к бронзовому Феликсу Эдмундычу. – А? Молчишь... То-то и оно. Значит, правильно...

Матвей прибег к испытанному способу успокоиться – вытащил из ящика стола колоду карт, конфискованную у какого-то шпиона, и принялся раскладывать пасьянс.

Колода эта была особенной. Создатель карт изобразил достоинства в виде основных группировок метро: коммунистов, фашистов, ганзейцев и арбатских конфедератов, а двух джокеров в виде мутантов – черного и птеродактиля.

С идеологической точки зрения эту колоду следовало бы уничтожить, и Субботин не раз собирался это сделать, но ему было жалко – уж очень талантливым был художник, который с таким юмором разложил по полочкам политическую неразбериху метро.

Между тем три уголовника шли по платформе «Дзержинской», с интересом рассматривая кумачовые растяжки, плакаты и спящих по станции людей. В прошлый раз Челпану, Фиксе и Глюку не удалось ничего увидеть – их скрутили прямо на блокпосту и сразу запихали в темный ящик «Детского мира».

В отличие от подельников, мозгов которых хватало лишь на то, чтобы пялиться по сторонам, Челпан пытался просчитать варианты побега. Вор в законе, коронованный накануне Катаклизма, он дважды сбегал из колоний, но те даже отдаленно не походили на «Детский мир».

Сейчас возможность сделать ноги появилась. Всего два конвоира, на рожах которых написана уверенность в том, что пленники шага не ступят без их разрешения. Смыться от них и затеряться в толпе – левое дело. А вот блокпосты на входах в туннели... Пробриться через них можно, если посчитать себя коммунистом.

Челпан поморщился, шмыгнув разбитым носом. Не время. Надо послушать, что скажет дяденька в белом халате. Если правда то, что этот Корбут вякнул о Бугре, то власть на «Третьяковской» пора сменить.

– Стоять! Ты, жирная морда,ходишь первым!

– Можно подумать, что у тебя морда худая, – презрительно бросил Челпан конвоиру. – Еще раз обзовешься – пожалуюсь!

– Иди-иди, ябеда!

Челпан вошел в кабинет профессора, осмотрелся и без приглашения сел на стул, который несколько дней назад занимал Ахунов.

– С вами, как я вижу, хорошо обращаются. – Михаил Андреевич оторвался от своих бумаг. – Жалоб нет?

– Все просто охренительно, товарищ Корбут. Давайте прямо к делу.

Профессор кивнул и показал Челпану листок бумаги, на котором Чеслав карандашом изобразил человечка с кривыми ногами и вполне пропорциональным торсом, в бейсболке, с черной прядью волос, ниспадающей на лоб.

– Это еще что за чудо-юдо? – хмыкнул Челпан.

– Николай Носов. Кличка – Вездеход. Мутант. Карлик. Ты должен его найти, Челпан. Если доставишь его на «Дзержинскую», отпущу на все четыре стороны.

– Если надо – значит, найду. Где он обычно шляется?

– Повсюду. Иногда появляется на «Боровицкой».

– Ну с «Боровицкой» и начнем. Если там не будет – выследим. У меня много корешей на разных станциях, а ваш Вездеход – фигура приметная.

– Подробности меня не интересуют.

– Тогда нечего расслаиваться.

– Ты держишь меня за идиота, Челпан? – Профессор улыбнулся, положил на стол лист и карандаш. – Думаешь, что сможешь обвести вокруг пальца? Хочешь, чтобы тебя отпустили под честное слово? Не выйдет. К столу! Взять карандаш! Пиши!

Уголовник придвинул стул к столу. Взял карандаш и... С хрустом разломал его на две половины.

– Слышь, дядька. Сейчас мы вместе выйдем на платформу, и если ты дернешься, я воткну этот карандаш прямо тебе в кадык. Проведешь нас через блокпост и будешь искать своего карлика сам. Сечешь?

– На платформу ты выйдешь один и без яиц, которые я тебе отстрелю. В Берилаг отправишься кастратом. Это если очень повезет и пуля не заденет твой член. Сечешь?

Наконец Челпан заметил, что Корбут все время держал левую руку под столом.

– Секу... Дайте другой карандаш, что ли. Че писать-то, товарищ Корбут?

– Я, Челпан, в скобках фамилия, имя, отчество, даю согласие на сотрудничество со спецслужбами Красной Линии. Обязуюсь выполнять все задачи, поставленные начальником контрразведки Матвеем Субботиным... Написал?

– Ага.

– Запятая. Которому сообщил численность и степень вооружения жителей станции «Третьяковская». Число, подпись...

Рука, которой Челпан протянул листок Корбуту, заметно дрожала.

– Теперь ты сексот, дружище, – ухмыльнулся профессор, доставая из-под стола пистолет. – Сука, по-вашему. Найди Вездехода. Даю тебе три дня. Не явишься сюда в срок, и эта бумаженция окажется у твоего Бугра. Кореша будут искать тебя по всему метро, а когда найдут – порежут на ленточки. Да что объяснять, тебе ведь хорошо известны повадки коллег. Если выполнишь задание, я порву эту расписку на твоих глазах. Дальше поступай, как знаешь. Можешь свалить на свою «Третьяковскую», можешь остаться здесь и служить компартии. Еду, оружие и документы получите прямо сейчас. Свободен!

Челпан встал. Ссутулившись и втянув голову в плечи, пошел к двери. Остановился, обернулся.

– Товарищ Корбут, а насчет Бугра... Он тоже?

– Я пошутил. Но если нам потребуется, твой Бугор напишет такую же расписку. Просто у компартии пока нет времени цацкаться с вами, бандюгами. Скоро порешаем основные вопросы и займемся вами вплотную. Кого-то перекуем. Неисправимых поставим к стенке. – Профессор направил ствол пистолета в лоб Челпану. – Тюрем на Красной Линии не будет. Мы ведь строим коммунизм: каждому по потребности, от каждого по возможности. Кто не за нас – тот против нас. Подумай об этом хорошенько, Челпан. Может, тебе еще не поздно взяться за ум?

Челпан кивнул и вышел на платформу. Конвоиры отвели троицу в один из складов-камопок. Здесь третьяковские получили все, что обещал Корбут – защитные комбинезоны, противогазы, автоматы, рюкзак, доверху набитый грибами, вяленой свининой, фляжками с водой и документы. Напоследок кладовщик протянул Челпану бумажный сверток.

– Дурь. Смотрите не обкуритесь сразу.

– Эх, да я через пять минут буду, как узбекский пограничник! – радостно воскликнул Глюк. – Не знал, ей-богу не знал, что красные такие душки. Моя уважуха!

– Заткнись! – рявкнул Челпан. – Я тебе покажу узбекского пограничника!

– Че ерепенишься? Я ж так, для красного словца.

– В жопу заткни свое красное словцо. Переодеваемся и сваливаем отсюда!

– Куда? – тихо поинтересовался Фикса.

– В сраные пруда!

– «Чистые пруды»? – вздохнул Глюк. – Чего мы не видели на «Кировской»?

– Какие пруды? Какая «Кировская»? – простонал Челпан. – Вот послал Бог идиотов-помощников!

– Бога нет! – объявил Глюк, глядя на кладовщика. – Ведь правильно?

– Да пошел ты!

После проверки на блокпосту в туннеле, ведущем к станции «Охотный Ряд», Челпан остановился. Достал из кармана сверток с дурью. Развернул бумагу, оторвал от нее ровную полоску, уверенными движениями свернул самокрутку.

Глюк, которому было поручено тащить рюкзак, торопливо вытащил из него кресало и трут.

Челпан затаился, откашлялся, передал самокрутку Глюку.

– Значится так, бродяги. Спеклись мы. Придется поработать на красных. Ищем карлика-мутанта.

– И на кой нам этот карлик? – Фикса вырвал самокрутку у Глюка. – Да еще и мутант?

– Растолкую по дороге. Вперед! Шевелите лапами!

## Глава 5

### Бульвар разврата

Вездеход замер. Он собирался войти в одну из сохранившихся арок в бардовом здании наземного вестибюля станции «Цветной бульвар», но решил не спешить. Под аркой было темно и Носову казалось, что во мраке кто-то прячется.

Ночь была безлунной. Оставалось всего одно – воспользоваться фонариком, но карлик не спешил это делать.

Возможно, все дело в его разыгравшемся воображении. Почему в любом темном месте обязательно должен скрываться кровожадный мутант? Почему мрак обязательно должен ассоциироваться с ужасом?

За двадцать проведенных в экстремальных условиях ядерной зимы лет люди могли бы и побороть свою боязнь темноты, ее ведь было гораздо больше, чем света. Не побороли. Есть, наверное, вещи, от которых человек, пока он будет человеком, не сможет отделаться.

А вот он отделается. Прямо сейчас войдет в арку и убедится в том, что там нет ничего, кроме нанесенного ветром мусора. Тем более что эта проклятая арка была его последней надеждой отыскать дыру, через которую можно проникнуть на станцию.

Он выбрал серую ветку. Решил не мудрствовать и добраться до «Тимирязевской» напрямую. Загвоздка была всего одна – путь преграждала «Чеховская». В прошлый раз он пробрался через фашистский треугольник с караваном торговцев. Лежал на дрезине, заваленной грудой мешков с товарами, и слушал речи охранника-нациста, который трепал торговцам нервы своими рассуждениями о расовой чистоте до тех пор, пока не получил взятку.

На этот раз проходящего каравана не нашлось, а в одиночку, даже предложив выродкам из Четвертого рейха огромную взятку, он попал бы в клетку. Карлик-мутант – самая яркая иллюстрация неполноценности для «метрофашистов». Взятку-то они бы взяли даже у черта лысого, но дальше исход один – плен.

Вездеход двинулся к арке, не убирая палец с курка. Так, на всякий случай. Ночь выдалась на удивление спокойной и не стоило будить лихо пальбой. Он был в десяти метрах от цели, когда правая нога вдруг провалилась в асфальт. Носов выдернул ее и отпрыгнул в сторону. Асфальт, хоть и растрескавшийся, не должен быть таким мягким!

Успокоившись, Носов присел на корточки и принялся рассматривать подозрительное место. Оказалось, что мягкой была полоса шириной в двадцать сантиметров. Причем полоса эта фосфоресцировала фиолетовым светом. Едва заметно, но все же...

Новое открытие было куда интереснее первого. Точно такая же параллельная полоса размягченного асфальта находилась в полуметре от первой.



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.